

ИХ СТРАСТЬ — ЕЁ ПРОКЛЯТИЕ.
ЕЁ СЕКРЕТ — ИХ СПАСЕНИЕ

ЗАБУТЫЕ

АДА ОГНЕВА

Ада Огнева

Забытые

<https://litres.ru/73853471>

SelfPub; 2026

Аннотация

Елизавета всего лишь оказалась не в том месте и не в то время. После случайной встречи, которой лучше бы не было, ей предлагают работу с невозможной зарплатой, контрактом на пять лет и одним простым условием: молчать. Так она оказывается на закрытом руднике в горах Алтая, где холод вьедается под кожу, у каждой двери есть свои правила, а у каждого взгляда скрытый смысл. Днём здесь всё кажется объяснимым: бумаги, смены, охрана, запреты, тяжёлая работа. Ночью рудник начинает жить по другим законам. Подземный стук, чужие шаги за дверью, тени у горы, следы, которым неоткуда взяться, и двое мужчин, рядом с которыми становится опасным даже собственное сердце. Это место не пускает случайных людей. И чем дольше Лиза остаётся здесь, тем яснее становится: её отправили в горы не просто так.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	39
Глава 5	51
Глава 6	65
Глава 7	78
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Ада Огнева

Забутые

Глава 1

Увидеть одного из богатейших людей страны с любовницей? Запросто. Похоже, мне нужно было идти не в клининг, а в репортёры. Я бы точно стала знаменита после такого.

Одно действие, после которого жизнь обычных людей меняется. А я была обычной, максимально обычной, если к таким людям вообще можно добавлять такое слово в одно предложение. Я думаю, из максимумов у них только усталость, кредитная нагрузка и желание побыстрее выйти на пенсию. Таких людей после того, что произошло со мной, обычно находят двумя способами. Первый — на обочине трассы после крупной аварии. Второй — в новой квартире на Якиманке, с подпиской на все активные каналы, привычкой смотреть в окно дольше, чем нужно и внушительным банковским счетом.

Мне повезло больше. Директор оказался человеком довольно щедрым, и вместо того, чтобы один раз оплатить аварию с моим участием в качестве жертвы или квартиру с видом на озеро, — мне предложили у него работу.

Вы думаете, как только он узнал, что я в курсе всего, по-

звал к себе личным секретарём, даже с учетом того, что у меня вообще нет опыта, как и вклада в банке, и теперь я с ним круглосуточно, а он красивый двадцатипятилетний парень с синяками под глазами от недосыпа и неразрешимой внутренней драмой, с которой я обязательно должна ему помочь? Я и только я. Да, да, конечно. Такое показывают по вечерам в будни и выкладывают с русским переводом на сайты в разделе корейские дорамы. В жизни все иначе. Совсем иначе.

Меня нашли в тот же вечер, буквально через несколько часов. Контракт действительно предложили. Только не с круглой суммой и просьбой молчать. А контракт на пять лет с пунктом о неразглашении всего, что мне известно о компании, персонале и звеном руководства, в том числе до подписания. Зарплата хорошая. Очень хорошая. Для девчонки из клининга — невозможная.

Что будет, если не подписать, в договоре не прописано. Мне это объяснили отдельно, но не словами, юрист оказался довольно молчаливым человеком, — взгляда через стол вполне хватило.

Я подписала. Только личным секретарём в короткой юбке и на шпильках не стала. И в свитере с джинсами тоже. Вместо того чтобы приблизить меня к себе, следить за каждым вдохом, как делают в сериалах мужчины с тёмным прошлым и туманным будущим, меня отправили в противоположную сторону. Максимально далеко от совета директоров и от всего, что связано с секретами. В принципе, самое логичное ре-

шение. Если бы я была директором, которого увидели с любовницей, я бы так и поступила. Долой с периметра, но под присмотром.

Меня отправили в горы.

Компания, кстати, занимается камнями. Редкими, дорогими, с хорошими сертификатами. И меня отправили на другой конец карты, на закрытый рудник в Республике Алтай.

Там и началось то, после чего мой мир перевернулся, и все, о чем я знала, оказалось ложью.

Самолёт сел в Горно-Алтайске в десять утра по местному времени. В Москве было шесть. Я пять часов спала урывками в неудобном кресле, ночной рейс дался тяжело, но я должна была приземлиться с утра, чтобы день провести в дороге, и к вечеру приехать на базу. Проснулась от толчка шасси о полосу.

За иллюминатором — серое небо, серая полоса, сухая трава по краям. Горы я пока не видела. Стюардесса механически пожелала нам хорошего дня в Горно-Алтайске, как будто это был Домодедово, и что-то в её голосе подсказывало, что она сама никогда в этот Горно-Алтайск не выходила, а сразу летела обратно.

Я достала из верхней полки свой чемодан — чёрный, на колёсиках, взяла полный рюкзак и сумку с ноутбуком.

Аэропорт я увидела сразу — одноэтажное здание из светлого кирпича, с вывеской «Горно-Алтайск» кириллицей и

латиницей, с плоской крышей и маленьким флагом на коньке. Размером с автовокзал в областном райцентре. Слева от здания стояло два такси, справа — несколько внедорожников и микроавтобус с надписью «Телецкое озеро — туры». В воздухе редко кружились первые снежинки, но снег чувствовался уже вовсю.

До здания я дошла за две минуты вместе с толпой прилетевших. Чемодан тарахтел по стыкам плит. Багаж выдавали не на ленте, а прямо на тележке — грузчик вывозил чемоданы через служебную дверь, и люди расхватывали их, узнавая по цвету и наклейкам. Мой чёрный я узнала последним — их было три таких же чёрных, я минуту стояла и смотрела на бирки, пока не нашла свою.

Я встала у стены, поставила чемоданы и достала телефон. Никаких сообщений. Никаких пропущенных. На экране одна палочка связи, и та дрожала. Я смотрела на экран и думала, что сейчас позвоню — неизвестно кому и неизвестно куда. Вышла в зал прилёта. Зал был маленький, в один уровень, с пластиковыми лавками у стены, с газетным киоском и одним кофейным автоматом. Десять-пятнадцать человек, не больше. Встречающие стояли группой у выхода — кто с табличками, кто без. Я прошла их взглядом. Фамилии своей не увидела ни на одной табличке.

— Елизавета.

Голос мужской, тяжёлый. Я подняла голову.

Он стоял в двух шагах от меня. Высокий, сильно за метр

девяносто. Черный пуховик на размер больше, чем надо, — для объёма. Чёрные брюки, чёрные ботинки, чёрная шапка натянута на лоб. Лицо широкое, плоское, с высокими скулами, тёмные глаза, бровь справа рассечена старым шрамом. На вид лет сорок. Руки висели вдоль тела, расслабленные, и именно эта расслабленность говорила о нём больше всего — так стоят люди, которые в любой момент могут сделать всё, что им нужно, и не торопятся.

Он не улыбнулся. Не протянул руку. Не спросил, как я долетела.

— Елизавета, — повторил он. — Пойдёмте.

— А вы... — я запнулась. — Вас прислали из компании?

— Меня зовут Роман. Я вас сопровождаю до объекта. Чемодан давайте.

Он забрал у меня большой чемодан одной рукой, как пустой. Сумку и рюкзак взял в другую руку. Пошёл к выходу. Я пошла за ним, катя второй, маленький.

У меня в голове на секунду мелькнуло: откуда он знает, что это я? Мы не созванивались. Я даже не успела поднять табличку или что там обычно поднимают. А он подошёл ко мне сразу, в толпе, мимо других пассажиров примерно моего возраста с чемоданами. Как будто ему показывали моё лицо заранее.

Потом я подумала, у компании есть моё фото, он просто посмотрел и узнал. В той жизни, в которую я теперь вошла, все знают твоё лицо ещё до того, как ты вошёл в дверь.

Мы вышли из здания. На парковке стоял чёрный «Ленд Крузер», грязный до самого капота — было видно, что он уже приехал сегодня откуда-то издалека. Роман открыл багажник, уложил мои чемоданы, потом сумку. Сам сел за руль. Я села назад, по привычке, как садилась в московские такси.

— Вперёд садитесь, — сказал он, не оборачиваясь.

Я вылезла, оставила рюкзак на заднем, обошла машину, села на переднее, пристегнулась. Он завёл двигатель, прогрел секунду и вывел машину с парковки.

— Сколько нам ехать? — спросила я.

— Часов семь-восемь. Смотря как дорога. К вечеру будем на месте.

Мы выехали из города. Горно-Алтайск я почти не увидела — пара улиц с деревянными домами, автосервис, шашлычная, автозаправка, потом уже трасса. На выезде стоял щит: «Чуйский тракт. Одна из красивейших дорог мира».

Первые полчаса дорога шла через посёлки и поля. Потом пошли предгорья — сначала холмы, потом холмы стали выше, и я поняла, что это уже не холмы. Горы начались как-то сразу. Одна, вторая, третья — и вот уже они встали с двух сторон, и дорога пошла между ними, а в промежутках между скалами я начала видеть реку.

Река была невозможного цвета. Я такого не видела никогда. Бирюзовая, густая, как будто в воду подмешали краски. Катунь, вспомнила я из школьной географии.

— Это Катунь? — спросила я, не удержавшись.

— Катунь, — сказал Роман.

— Она всегда такого цвета?

— Летом светлее. Сейчас тёмная. Ледники меньше тают, воды в ней меньше, камни на дне видны.

Он говорил короткими фразами, не глядя на меня. Я поняла, что это не грубость, а его норма.

Я смотрела в окно. Дорога петляла. Справа и слева нависали скалы, с редкими деревьями, которые росли прямо из камня. Иногда внизу, под дорогой, открывалась долина, и там — то деревня с маленькими деревянными домами, то стадо коров, то лошади, то пасека. Я никогда не видела, чтобы пасека стояла прямо у дороги, без забора. Ульи рядами, и никто к ним не подходит, не охраняет.

— А разве никто не ворует? — спросила я.

Роман посмотрел на меня впервые за всю дорогу. Короткий взгляд, в пол-оборота.

— Кто украдёт, у того всё отсохнет, — сказал он. — Тут так.

Я думала, он шутит. По лицу его не было понятно.

Мы ехали молча ещё час. Потом он свернул с тракта к придорожному кафе — низкое одноэтажное здание с вывеской «Кафе Алтын», с парковкой на пять машин. Поставил «Крузер» боком к окну.

— Обед, — сказал он. — Нужно поесть, ехать еще долго.

Я вышла и пошла за ним. Внутри было тепло, пахло бара-

ниной. Столы деревянные, клеёнка в цветочек, окна с занавесками. Женщина лет шестидесяти за прилавком, алтайка, в платке. Она увидела Романа и кивнула — не как гостю, а как знакомому, который часто ездит по этой дороге.

— Две порции лагмана. Чай. И хлеба, — сказал он, не спрашивая меня.

— Лагман? — я тихо спросила.

— Это самое вкусное, что тут есть. Вы не против?

Я покачала головой.

Мы сели у окна. Я смотрела, как за стеклом идёт редкий снег и как через дорогу, на стоянке, стоит грузовик, из которого вылезает водитель — потягивается, закуривает. Роман молчал. Я тоже.

Принесли лагман. Пахло по-настоящему, я сглотнула слюну против воли — я действительно не ела с утра, и до этого в самолёте не ела. Я взяла ложку. Первая была горячая, вторая ещё горячее, третья согрела изнутри так, что я почувствовала, что мне холодно было всё утро, а я не замечала. Я ела, и мне впервые за два дня стало спокойно.

Роман ел быстро, сосредоточенно, как человек, для которого еда — это дозаправка, а не удовольствие. Закончил раньше меня. Выпил стакан чёрного чая.

Я доела.

Дорога после кафе пошла труднее. Скалы ближе, подъёмы круче, асфальт хуже. Мы поднялись на первый перевал — Семинский, сказал Роман, когда я спросила. На вершине бы-

ла площадка с торговыми рядами: продавали мёд, шерстяные носки, какие-то травы в мешочках, сувениры из дерева. Мы не останавливались. Роман проехал мимо, я обернулась — увидела, как сквозь дымку вниз открывается долина, в которой облака лежали ниже дороги, и где-то далеко внизу текла та самая Катунь, уже тонкая ниткой. Он расплатился у прилавка, не дал мне даже достать кошелёк. Женщина пересчитала купюры, убрала в фартук, сказала ему что-то на своём языке. Он ответил односложно. Мы вышли.

— Красиво, — сказала я.

— Красиво, — кивнул он.

Мы спустились в долину. Пейзаж начал меняться. Лес отступал, появлялись голые холмы, буро-жёлтые, бритвенные, без единого дерева. Это была уже не Россия, которую я знала по учебникам. Это было что-то совсем другое. Марсианское. Я смотрела в окно и ловила себя на том, что не могу сообразить, какое сейчас время года. Снега не было, травы тоже не было. Земля была как обожжённая.

— Чуйская степь начинается? — спросила я, вспомнив что-то из статьи, которую читала в самолёте.

— Нет. Чуйская дальше. Это ещё Курайская зона. До Чуйской мы не доедем, сворачиваем раньше.

Мы ехали, и солнце пошло вниз, хотя было всего три часа дня. В горах темнеет быстрее, чем я думала. Я смотрела, как закат расплзается по склонам слева от дороги, как красный свет ложится на скалы, делает их пурпурными, потом буры-

ми, потом чёрными. Небо справа ещё было голубым, а слева уже горело.

Потом мы свернули.

Это я заметила не сразу — Роман сбавил скорость, и машина пошла по каменистой грунтовке, не по асфальту. Я подняла глаза: мы уходили с тракта в сторону, в распадок между двумя склонами. Никаких указателей. Никакой вывески. Просто поворот, как будто случайный, и через двести метров дороги уже не было видно — она терялась в серых камнях.

— Мы где? — спросила я.

— На месте будем через три часа, — сказал он. — Если не сломаемся.

Он улыбнулся и посмотрел на меня. С юмором у него было так себе.

Грунтовка пошла вверх. Машину мотало на ухабах, чемоданы в багажнике били в заднее стекло. Роман вел одной рукой, спокойно, не сбавляя скорости там, где я бы сбавила. Горы вокруг поднимались всё выше и сжимались ближе к дороге. Рек стало меньше. Деревья стали ниже и реже. Сосны были маленькие, кривые, согнутые одним ветром в одну сторону.

Темнело. Я включила свой телефон — связи не было. Ни одной палочки. Включила ещё раз, подержала экран выше — нет. Роман покосился.

— Связи не будет, — сказал он. — Ни здесь, ни на объ-

екте. На объекте есть спутниковый, у начальника. Звонить домой через него.

— У меня нет никого, кому звонить, — сказала я раньше, чем успела подумать.

Он на секунду замолчал. Потом сказал.

— Тогда проще.

И больше мы не говорили.

Мы подъехали к воротам. Из будки слева вышел человек с фонариком. Посветил в лицо Роману. Роман коротко кивнул. Человек подошёл к моему окну, посветил мне. Я зажмурилась. Последний час был самый тяжёлый. Я понимаю теперь, почему у него «Крузер», а не легковая. Никакая другая машина по этой дороге не прошла бы. Колея то исчезала, то появлялась, мы форсировали какой-то маленький ручей по камням, потом снова шли вверх. Двигатель выл на низких оборотах. Я держалась за ручку над дверью и смотрела вперёд, в темноту. Фары выхватывали серые камни, чёрный лес, один раз — пару глаз на обочине, у животного, которое застыло и смотрело на нас. Я не успела понять, кто это — лиса, косуля, кто-то больше. Роман не сбавил. Животное отскочило в темноту. Около девяти вечера впереди показались огни. Сначала одна точка, потом две, потом несколько. Они висели в темноте, как звёзды, свалившиеся на землю. По мере того как мы приближались, я начала различать контур: забор, высокий, с колючей проволокой поверху. Проектора по периметру. Несколько низких зданий внутри. А над всем этим,

сразу за забором, поднимался тёмный силуэт — гора. Я видела её даже сквозь темноту, потому что на её фоне не было ни одной звезды. Большая слепая тень, занявшая полнеба.

— Лебедева?

— Да.

— Проезжайте.

Он махнул кому-то в будке, ворота поехали в сторону.

Мы въехали. «Крузер» прошёл по щебёнке, развернулся и остановился у двухэтажного дома справа от ворот. Свет в окнах первого этажа. На крыльце стояла женщина.

Я её увидела ещё из машины. Невысокая, коренастая. Руки скрещены. Она смотрела на нас и не двигалась.

Роман заглушил двигатель.

— Приехали, — сказал он. — Вас ждут.

Я отстегнулась. Вылезла. Ноги с непривычки не слушались — я просидела в машине восемь часов с тремя остановками на заправках и одной на обед, тело у меня было как чужое.

Женщина сошла с крыльца. Подошла к машине. Посмотрела сначала на Романа — он ей коротко кивнул и начал доставать мои чемоданы.

Глаза у неё были светлые, почти прозрачные. В свете прожектора они казались серебристыми. Лицо обветренное, с сеткой морщин у глаз, не старое, но уставшее по-особенному. Было ей на вид лет пятьдесят, но такое лицо могло быть у женщины любого возраста между сорока и шестьюдеся-

тью. Потом она повернулась ко мне.

Она смотрела на меня несколько секунд.

— Меня зовут Нина Павловна, — сказала она низким голосом. — Я здесь за всё отвечаю. Пойдем познакомимся, тут холодно, — сразу развернулась и пошла внутрь, я не успела даже поздороваться, говорить в спину было невежливо.

Надеюсь мы с ней поладим.

Я взяла рюкзак. Роман нёс чемоданы и сумку. Мы поднялись на крыльцо. Все это время меня не отпускало ощущение, что на меня постоянно кто-то смотрит из-за деревьев.

Дверь закрылась за нами, и снаружи осталась только гора.

Глава 2

В доме было достаточно тепло. После восьми часов машины, после холода улицы, хоть и не долгого, — это ощущалось как удар в лицо тепловой пушкой. Я сделала два шага по прихожей, поставила рюкзак на пол, выпрямила спину и поняла, что у меня подкашиваются ноги от усталости.

Прихожая вела в широкий коридор, справа от которого шла дверь на кухню — оттуда тянуло запахом ужина, хлеба и чего-то жареного на масле. Слева — деревянная лестница наверх. Пол дощатый, крашеный, половики грубые, домашние. Стены обшиты вагонкой, на одной висела карта Республики Алтай в тёмной раме, на другой — старая чёрно-белая фотография рабочих на фоне штольни, лиц уже не разобрать. Над дверью на кухню висели часы-ходики с гириями, тикали громко, по-деревенски.

Роман занёс мои чемоданы и сумку, поставил их у лестницы. Не сказал ни слова. Посмотрел на Нину Павловну, получил короткий кивок и вышел обратно на улицу, дверь закрыл за собой тихо.

— Света! — крикнула Нина Павловна в сторону кухни. — Иди сюда.

Из кухни вышла девушка. Лет двадцати пяти, моего возраста примерно. Невысокая, худая, с тёмными волосами, собранными в низкий хвост. Одета в свитер крупной вязки,

джинсы, тёплые носки без обуви. Глаза у неё были карие, очень тёмные, и смотрели на меня внимательнее, чем просто «новенькая приехала».

— Это Елизавета,— сказала Нина Павловна. — С сегодня работает у нас. Покажи ей комнату, ту, последнюю. Проводи. Накорми, если голодная.

— Хорошо, — сказала Света. И мне: — Здравствуйте. Вы голодная?

— Здравствуйте. — Я попыталась улыбнуться, получилось плохо, усталость сказывалась. — Нет, спасибо, что-то не хочется.

— Я — Света, ну, вы уже поняли, наверно, — представилась она и протянула мне руку.

Я пожалала. Ладонь у неё была тёплая, маленькая, с шершавыми подушечками пальцев, как у человека, который много моет посуду или работает с землёй.

Нина Павловна уже шла к лестнице.

— Елизавета, — сказала она, не оборачиваясь, — разговор у нас с вами будет утром. После завтрака. В девять я жду вас в кабинете. Сейчас ложитесь, отдыхайте. Ваш день был длинный. Не за чем задерживаться, из-за формальностей. Все завтра.

Остановилась на первой ступени. Обернулась ко мне. Ещё раз посмотрела тем взглядом, который я поймала во дворе, — внимательным, долгим, с чем-то, что я не смогла расшифровать. Как будто она проверяла на мне что-то и пока не ре-

шила, проверилось или нет.

— Добро пожаловать в компанию, — сказала она, слегка кивнув, и пошла наверх.

Я смотрела ей в спину, пока она не скрылась за поворотом лестничной площадки. Потом обернулась к Свете.

Света стояла, ожидая. Руки сложила перед собой, пальцы в замок.

— Пойдёмте, — сказала она. — Я помогу с чемоданами.

— Не надо, я сама.

— Одной тяжело по лестнице. Я все равно с пустыми руками.

Она подхватила мой большой чёрный чемодан за ручку, и пошла к лестнице, тут я поняла, что одной мне его наверх не затащить — я сама еле стояла. Взяла второй маленький, рюкзак на плечо, сумку. Мы пошли наверх.

Лестница скрипела. На второй ступеньке, на шестой, на одиннадцатой — каждая своим звуком. Света шагала уверенно, пропуская скрипящие, я тащилась за ней.

— Вы долго здесь работаете? — спросила я, чтобы заполнить тишину.

— Третий год.

— Тоже из Москвы?

Она на секунду запнулась. Потом ответила:

— Нет, из Бийска. Местная.

— А что вы тут делаете?

— Помогаю Нине Павловне. По хозяйству, по дому. Го-

товлю на всех, убираюсь. Встречаю новеньких. — Она чуть повернула голову, — Новенькие у нас нечасто.

Мы поднялись на второй этаж. Коридор шёл вдоль всего дома, справа — три двери, слева — четыре. Свет горел только в коридоре, из-под дверей нигде не пробивался. Тихо, все спят.

— Первая слева — кабинет Нины Павловны. Вторая слева — её комната. Третья — моя, напротив лестницы. Дальше — вы.

Она пошла по коридору мимо дверей, я за ней. Половицы здесь скрипели меньше, будто их подобрали получше.

— А остальные?

— Остальные комнаты сейчас пустые. Если кто приезжает из Москвы на проверку — там селим. Но сейчас никого.

— И я совсем на этом этаже одна?

Она остановилась у последней двери. Взялась за ручку. На секунду не ответила. Потом посмотрела на меня — прямо, в глаза:

— Не одна. Я напротив, через коридор. И Нина Павловна рядом. Если что — стучите ко мне. Без стеснения. В любое время.

— А где живут остальные? Мы же тут не единственные?

— Конечно не единственные. У них отдельное здание.

Света открыла дверь, щёлкнула выключателем, отступила, пропуская меня.

— Располагайтесь. Санузел вон за той дверью, и душ там

же. Полотенца на полке, новые. Если что понадобится — вторая дверь отсюда, напротив лестницы. Кухня общая, на первом, в торце. Завтрак с семи, обед в час, ужин в семь. Если не пришли — никто не обидится, еда стоит до девяти.

Она говорила быстро, не глядя на меня, как будто проговаривала эти слова за последний год тысячный раз.

— Спасибо, — сказала я.

Она кивнула и пошла к выходу.

— Спокойной ночи, Елизавета.

Вышла, прикрыла за собой дверь. Я услышала, как её шаги удаляются по коридору к её комнате, как открывается и закрывается её дверь. Потом стало тихо.

Я стояла посреди комнаты и держала в руке ручку своего чемодана. Не могла сообразить, с чего начать.

Комната была небольшая. Метров двенадцать. Кровать у правой стены — односпальная, с белым бельём, поверх — шерстяное одеяло в клетку. Прикроватная тумбочка со светильником. Стол у окна, на столе настольная лампа, рядом стул. Напротив кровати — шкаф, двустворчатый, крашенный белым. Рядом со шкафом — дверь в санузел. Над кроватью — полка с тремя книгами. Я подошла, прочитала корешки. «Саянский фольклор», сборник сибирских сказок, старая «Роза мира» Даниила Андреева. Станный выбор для рабочего общежития.

Над кроватью, прямо над изголовьем, я увидела его. Оберег. Кожаный шнур, продетый сквозь три деревянные буси-

ны и одну маленькую фигурку — вырезанную из тёмного дерева, похожую на птицу с сложенными крыльями. Шнур был красный, старый, потёртый в нескольких местах. Фигурка висела ровно над подушкой, точно в центре.

Я его видела и раньше, в других гостиницах, в других домах. На Алтае и в Сибири такое вешают везде, особенно в деревнях. Туристический сувенир. Я уже собралась снять, чтобы не цеплять головой ночью, когда дверь открылась без стука. Света.

— Забыла полотенца оставить, — сказала она, протягивая их мне.

Она увидела, что я стою у изголовья с поднятой рукой.

— Не снимайте.

— Что?

— Оберег. Не снимайте. Хозяйка повесила. Нина Павловна. Она всем новеньким вешает. Правило такое.

— Это обязательно?

Света посмотрела на меня. Несколько секунд.

— Хорошо, я не сниму.

Она положила полотенца на стол. Пошла к двери.

— Света.

— Да?

— Зачем он?

Она остановилась. Не оборачиваясь, ответила:

— Спится лучше.

И вышла.

Я ещё постояла, глядя на фигурку. На её сложенные крылья, на маленький клюв, на крохотную отметину, которая могла быть глазом. Потом повернулась и пошла в санузел.

Санузел был крошечный, метр на полтора. Душевая кабина в углу, унитаз, раковина, маленькое зеркало. Всё новое, кафель белый, всё блестящее, будто пару лет назад тут был ремонт. Горячая вода пошла сразу. Я включила душ, разделась, встала под струю и стояла так минут десять, просто стояла, держа голову под горячей водой.

Вымылась. Вытерлась. Надела пижаму — серые штаны, футболка. Вышла в комнату.

Чемодан разбирать не стала. Только достала зарядку, включила телефон в розетку у кровати. Связи по-прежнему не было, но привычка держать телефон заряженным осталась.

Свет выключила. Легла.

Первые минут пять я ничего не слышала. Обычная тишина дома, которого я не знаю. Где-то далеко скрипнула половица, где-то гудит холодильник, кто-то шевельнулся в соседней комнате. Всё понятное, всё бытовое.

Потом я начала слышать дом целиком. И в этом целом появился звук, которого быть не должно.

Он шёл снизу. Не из коридора, не с первого этажа, а ниже — из-под фундамента, из земли. Медленный, ритмичный, низкий. Одно биение раз в две секунды. Как будто кто-то далеко, очень глубоко, раз в две секунды бьёт во что-то боль-

шое.

Я лежала и слушала. Пыталась понять, откуда это.

Встала. Пошла к окну, открыла форточку. Холодный воздух хлынул в лицо. Снаружи звук был другой — ветер, скрип чего-то металлического, далёкий гул генератора. То, что я слышала, оттуда не приходило. Оно было внутри.

Я вернулась в кровать. Натянула одеяло до подбородка. Стала считать удары, чтобы заснуть.

Один. Два. Три. Четыре. Пять.

На девятом сбилось. Пауза стала чуть длиннее. Потом ритм вернулся, но сдвинутый — теперь удар приходился на полсекунды позже, чем я ждала.

На семнадцатом он снова сменился. Как будто подстроился под моё дыхание. Или наоборот — моё дыхание под него.

Я закрыла глаза. Провалилась в сон.

Без пуховика. В одной рубашке, белой, расстёгнутой у горла. Босой. Снег у его ног не тает, но и он не мёрзнет. Лицо поднято к горе. Он стоит неподвижно — так, как умеют только те, кто может не шевелиться очень долго. Мне снилось, что я стою в комнате, той же самой. Ночь. Окно светится прожектором снаружи. Одеяло сползло на пол, я не чувствую холода, хотя форточка открыта. Я сижу на кровати, свесив ноги, и смотрю в окно. Во дворе, под прожектором, стоит Роман.

Я понимаю во сне, что это сон, и одновременно — что это не сон. Я встаю с кровати, иду к окну. Пол холодный. Я

смотрю сверху вниз, на его поднятое к горе лицо. Он ни разу не опускает глаза. Не знает, что я на него смотрю.

Или знает, и ему всё равно.

От тёмных елей у забора отделяется вторая фигура. Парень. Высокий, в чёрном пальто, идет медленно, не торопясь, по снегу. Я не вижу его лица. Но походка у него — такая, какую видишь раз в жизни и запоминаешь. Плавная, экономная, без единого лишнего движения.

Он подходит к Роману. Останавливается в метре, не ближе. Они не здороваются. Стоят молча, рядом, плечом к плечу, оба лицом к горе. Потом — одновременно, без сговора — поворачивают головы. Оба. И смотрят в моё окно. Он проходит через освещённый прожектором круг. И тень его не ложится на снег. Ни одной тени. Свет проходит через него, как через стекло.

Я отшатываюсь. Падаю на кровать. Одеяло скомкано у меня под спиной. Во рту сухо. В ушах — тот самый стук, глубокий, подземный, быстрее, чем был. Я слышу, как он догоняет моё сердце, и когда догоняет — мне становится страшно так, как никогда в жизни. Он сравнялся с моим пульсом. Он стучит одновременно со мной.

Шаги. По лестнице. Отмеренные, не быстрые, не медленные. Тот, кто идёт, знает, куда идёт. Внизу, на первом этаже, хлопает дверь.

Останавливается у моей двери. Поднимается на второй этаж. Идёт по коридору. Я слышу каждый шаг на скрипящей

половице, которая скрипит всё ближе.

Тишина.

Я сижу на кровати. Одеяло в руках. Смотрю на дверную ручку. Ручка медленно поворачивается. До упора.

Дверь заперта изнутри, я помню, я крутила замок. Но ручка поворачивается, и я почему-то знаю — если я сделаю шаг к ней и отопру, тот, кто там, войдёт.

Тихий голос за дверью.

— Лиза. Открой.

Я не дышу.

— Лиза. Открой. Это я.

Голос — знакомый. Настолько знакомый, что у меня щиплет в носу. Я никогда в жизни не слышала этот голос. Но откуда-то я его знаю.

— Лиза, открой, я же тут.

Во мне всё сжимается — я хочу открыть, я хочу увидеть, кто там, я хочу, наконец, услышать его не через дверь. Я встаю с кровати. Ноги несут меня сами. Я делаю шаг. Второй. Третий. Рука тянется к замку.

Пальцы касаются холодного металла.

И в этот момент — прямо надо мной, над кроватью, откуда я только что встала, — красная нить оберега лопается с сухим щелчком. Я слышу, как фигурка и бусины падают на подушку, и одна бусина, маленькая, тёмная, катится по одеялу, скатывается с кровати и бежит по полу. Прямо к двери. К моим босым ногам. Останавливается у самого порога.

Я смотрю на эту бусину.

Голос за дверью меняется.

— Лиза. Открой же! Я столько жду! — он стал настойчивым, и как будто спешил.

И моя рука слушалась. Пальцы сами легли на холодный металл защёлки. Кожа у меня по запястью стянулась, будто замок был ледяной и жёг одновременно.

И в эту секунду стекло за моей спиной разлетелось. Окно разбилось целиком, вся рама, одним взрывным звуком.

Тот парень.

Он приземлился на одно колено, одна рука опёрлась о пол, пальцы в осколках стекла, но крови я не увидела. Другая рука свободна. Волосы тёмные, рассыпаны по лицу, я не увидела черт. Пальто черное, под ним тёмная рубашка. От него в комнату пошёл холод горы.

Он поднял голову.

Я увидела только глаза. Серые. Светлые. Как лёд на реке в первое утро зимы.

Спиной ко мне. Лицом к двери. Он смотрел на меня одно мгновение. Потом — резко поднялся и в одно движение оказался между мной и дверью. Я не успела понять, как он пересёк эти два метра. Он просто встал туда.

Удары прекратились. Через несколько минут слышались шаги по коридору. Медленные, спокойные. Обрато к лестнице. Вниз по ступенькам. Хлопнула дверь на первом этаже. Потом — ничего.

Только ветер через разбитое окно. И мой пульс в ушах. Парень передо мной ещё несколько секунд стоял на месте. — Кто ты? — прошептала я.

Мир поплыл.

Я почувствовала, как падаю — медленно, без страха, как в тёплую воду. Он подхватил меня одной рукой под спину, другой под колени, и понёс к кровати. Потом он исчез.

В комнату через разбитое стекло хлынул холодный воздух. Занавеска пошла волной. Оберег над кроватью качнулся на красной нитке — нитка была целая, бусины все на месте, фигурка висела ровно. Как будто ничего не случилось.

Я проснулась.

Серое утро. Окно целое. Комната на месте. Оберег над кроватью — висит, целый, красная нить не порвана, фигурка и бусины все три на месте. Дверь заперта. За стеной кто-то уже встал — слышно, как включили воду.

Я сажусь. Медленно. Ноги у меня трясутся. Я опускаю их на пол и сижу на краю кровати, глядя на свои голые ступни. Я лежу на спине, поверх одеяла. Футболка на мне мокрая от пота, холодная, прилипла к коже. Сердце колотится так, как будто я пробежала пять километров. Во рту железистый привкус — я прикусила внутреннюю сторону щеки во сне.

«Сон. Это был сон. Это первая ночь на новом месте, непривычная темнота, новые правила, устала. Ничего нет. Всё нормально.»

Я встаю. Иду в санузел. Смотрю на себя в зеркало.

Под глазами — тёмные, почти фиолетовые круги. Губы белые. Волосы прилипли ко лбу. Я ополаскиваю лицо холодной водой. Потом ещё раз. Потом ещё.

«Сон, — повторяю я. — Просто сон.»

Возвращаюсь в комнату. Надо застелить кровать, переодеться, идти на завтрак. Я наклоняюсь, чтобы подобрать одеяло, сползшее на пол.

И вижу у двери.

На полу, в двадцати сантиметрах от порога, лежит одна деревянная бусина.

Он висит. Целый. Нитка красная, не рваная. Фигурка на месте. Рядом с фигуркой — три бусины, одна к другой, как и должно быть. Маленькая, тёмная, с отверстием посередине. Точно такая, как на обереге. Я медленно выпрямляюсь. Смотрю на оберег над кроватью.

Я медленно встаю. Подхожу к оберегу. Я снова опускаю глаза на пол. Бусина лежит. Я присаживаюсь на корточки. Не касаюсь её. Просто смотрю. Тёмное дерево, такое же, как фигурка. То же отверстие. Тот же размер.

Пересчитываю бусины. Одна. Две. Три.

Три. Как и положено.

Но та, что лежит у двери — четвёртая.

Я стою посреди комнаты. Холодный пол. Мокрая футболка на теле. Сердце, которое только что начало успокаиваться, снова снова застучало в горле.

Я посмотрела на гору и замерла.

Глава 3

Гора возвышалась передо мной, величественная и непокорная, именно так я её представляла, если бы она была женщиной. Я засмотрелась и в какой-то момент поняла, что уже довольно долго стою, не двигаясь.

Пора начинать день.

Я спустилась на первый этаж в половине восьмого. Лестница скрипела подо мной теми же ступенями, что и вчера, — на второй, на шестой, на одиннадцатой. Я запомнила их сама, невольно. В пустом доме у человека быстро появляется внутренняя карта, и я уже знала, какие половицы выдают мой спуск.

Я почувствовала аромат кофе.

Кухня была тёплая, просторная, с длинным деревянным столом посередине. Два окна, оба во двор. У левого окна стояла здоровенная плита, газовая, на четыре конфорки, с духовкой, судя по виду — из того времени, когда кухонную технику делали, чтобы она работала по сорок лет. Над плитой тянулась вытяжка. Рядом — холодильник, большой, белый, с магнитами: один — «Чемал», другой — «Горно-Алтайск — ворота Алтая», третий — с котом и надписью «Доброе утро, человек». На холодильнике был прикреплён блокнот и шариковая ручка на ниточке. Сверху на блокноте крупно, синим маркером, было написано: «Что привезти из села». Ни-

же — несколько строк разным почерком: сметана, батарейки АА, лампочки на 40, туалетная бумага четыре рулона.

Света стояла у плиты. На сковороде шипели помидоры с луком, рядом, в миске, ждали взбитые яйца. На ней был тот же свитер, что и вчера, только с надетым поверх фартуком в мелкий цветочек. Волосы собраны на затылке. Она обернулась на мои шаги, улыбнулась.

— Доброе утро. Садитесь, почти готово.

— Доброе.

— Как спалось?

— Нормально, — сказала я. — Непривычно только. Тишина другая.

— Да, у нас тишина плотная. С непривычки тяжело бывает. В горах вообще кислорода меньше, у многих первую неделю голова болит и сны дурные. Это пройдёт.

От её слов мне стало легче. Сны дурные, голова болит, кислорода меньше. Всё объясняется.

Я села за стол. Передо мной уже стояла чашка — синяя в белый горошек, Света налила в неё кофе из железной турки. Пар пошёл прямо мне в лицо. Я взяла чашку обеими руками, как тёплого зверя.

— Сахар? Молоко?

— Молоко.

Она поставила кувшинчик. Сливочник был из того же сервиза, что чашка, синий в белый горошек. Я налила молока, увидела, как кофе посветлел, перемешала ложечкой. Сдела-

ла первый глоток. Кофе был хороший. Настолько хороший, что я на пару секунд забыла, где я.

— У нас в понедельник ещё привезут кофе, — сказала Света, перекладывая помидоры с луком на сковородке. — В селе только растворимый. А этот нам Нина Павловна из Бийска выписывает, раз в месяц.

— А тут не самая плохая жизнь.

— Тут и правда нормально. — Она слегка улыбнулась, не оборачиваясь. — Работа тяжёлая, но люди по-своему хорошие. Первый месяц трудный, потом втянешься. Не втянешься — уедешь, это не трагедия. Ой, — она повернулась ко мне, — можно на «ты»?

Я кивнула, она расслабилась и поставила передо мной тарелку. Яичница с помидорами, с поджаренным на сковородке хлебом, с веточкой укропа сверху. Я ела и чувствовала, как тёплая еда проходит внутри и отогревает то, что ночью успело замёрзнуть.

«Уедешь, как же, мой контракт на пять лет, и, как я поняла, в Москве меня точно не ждут обратно. За такую сумму, которую они прописали в графе зарплата, я должна была отбывать свой срок тут, даже если начнется конец света. Так что прижиться я точно должна, остальное — не вариант, даже если кошмары будут каждую ночь сниться, — привыкну. К чему только человек не привыкает.»

Дверь с улицы открылась. Вошёл Роман. Стряхнул с шапки снег, снял пуховик, повесил на крюк у двери. На нём был

толстый тёмный свитер, джинсы, тяжёлые рабочие ботинки. Он коротко кивнул Свете, ещё короче — мне, подошёл к плите, налил себе кофе в большую белую кружку. Добавил сахара три ложки, размешал. Взял с полки открытую пачку овсяного печенья, сел в дальнем углу стола, боком ко мне. Ел и пил молча.

Света, не оборачиваясь от плиты:

— Сегодня в село?

— Да, в десять поеду. Хлеб, батарейки, почту — всё привезу, а что? Тебе что-то надо?

— Да, сметаны пачки три, только посвежее выбери. И если Наталья Борисовна спросит — я приду в субботу.

— Понял.

Он доел печенье, допил кофе. Встал. Положил кружку в раковину. Прошёл мимо меня к двери. Посмотрел в мою сторону.

— Елизавета, если надо что из села — пишите в список, я по нему все покупаю.

— Спасибо, пока ничего не нужно. Я вроде с собой все взяла.

Он кивнул, надел пуховик, вышел.

Через минуту со двора донёсся звук — завёлся «Крузер», прогрелся, отъехал. Ворота периметра лязгнули, открываясь и закрываясь.

Мы со Светой остались на кухне вдвоём. Она пила свой кофе, стоя у окна, глядя на двор. Я доедала яичницу. Было

тихо, внутри все успокоилось. Я полностью отпустила ночной кошмар. Откуда четвертая бусина? Может быть выронил кто-то из другого оберега, а я вчера не заметила. Надо будет принести её и отдать Свете, вдруг понадобится, а она уже знает, что с ними делать и кому относить дальше.

— Что будете сейчас делать? — ненавязчиво поинтересовалась Света, вырвав меня из размышлений.

— Мне к Нине Павловне надо к девяти, — ответила я.

— Успеваете, — она посмотрела на часы. — У неё кабинет у лестницы, первая дверь слева.

— Да, я запомнила.

Света повернулась ко мне от окна.

— Нина Павловна хорошая, — сказала она. — Строгая, но справедливая. Если она сказала — значит, так и будет. Ничего лишнего. И не придирается без повода.

— Ты давно с ней работаешь?

— Три года. Она меня взяла, когда у меня ничего не было, тут таких, к сожалению, много, судьба у многих тяжелая, но она именно мне шанс дала, — Света выдержала паузу, улыбнулась и продолжила смотреть в окно.

Я не стала спрашивать её дальше. Она сама не стала рассказывать. Тёплая тишина повисла между нами, та, которая возможна только между людьми, только что впервые позавтракавшими вместе и молча решившими, что могли бы поладить.

Я допила кофе. Встала, отнесла посуду в раковину.

— Спасибо за завтрак. Очень вкусно.

— Идите. Я помою.

Я поднялась наверх, умылась ещё раз, надела свитер по-теплее, причесалась. Без пяти девять стояла у первой двери слева от лестницы.

Постучала. Подождала секунду.

— Войдите.

Кабинет Нины Павловны был просторнее, чем я ожидала, и проще. Деревянные стены, без всяких украшений, только крашенные в светлый бежевый. Пол — тот же дощатый, что везде в доме, с протёртым половиком от двери к столу.

Стол — обычный письменный, массивный, из тёмного дерева, уставленный папками, с закрытым ноутбуком у края. Два стула для посетителей, напротив стола. Шкаф от пола до потолка — с папками, с подписями на корешках, с годами: 2014, 2015, 2016. Я быстро пробежала глазами — были все годы до 1998-го. Сорок с лишним лет бумаг.

Сейф стоял в углу. Небольшой, чёрный, пожилой, с кодовым наборным замком. Сверху на нём — пустая пепельница и зажигалка.

На стене за столом — большая заламинированная карта рудника.

Нина Павловна сидела за столом в очках для чтения, перед ней была открытая папка, рядом — ещё две закрытые, и чашка с уже остывшим чаем.

— Елизавета. Садитесь.

— Доброе утро.

Я села на ближний стул.

Она сняла очки. Положила перед собой.

Посмотрела на меня.

— Я попытаюсь уложиться в два часа. Постарайтесь слушать внимательно. Повторять всё я не люблю.

— Хорошо.

— Ваша должность. По штату — младший специалист отдела логистики. По факту — учётчик канцелярии. Рабочее место — первый этаж нашего дома, противоположный торец от кухни, кабинет с окном во двор. Выход на работу — с понедельника. Сегодня у нас суббота, завтра воскресенье, у вас есть два дня освоиться.

— Хорошо.

— Обязанности. Буду по пунктам.

Она открыла папку. Положила передо мной первый документ.

— Приём сменных журналов. Каждая смена на руднике длится восемь часов. Три смены в сутки — ночная с нуля до восьми, дневная с восьми до шестнадцати, вечерняя с шестнадцати до нуля. Каждый бригадир в конце своей смены сдаёт журнал, в котором описывается, где работали, сколько человек, сколько породы вышло в отвал, сколько породы с сырьём ушло в сортировку. Эти журналы вам будут приносить трижды в сутки.

Я записывала в блокнот, который принесла с собой. Пока

всё звучало понятно.

— Второе. Приём актов сортировки сырья. Сортировочный цех перебирает породу и отделяет сырьё от пустого. На каждую партию сырья, уходящую в лабораторию, составляется акт. Все приносят вам в готовом варианте.

— Поняла.

— Третье. Приём актов лаборатории. Лаборатория оценивает партию предварительно — состав, вес, качество, предварительная стоимость.

— Четвёртое. Отправочные документы. Раз в две недели партии уходят в Москву спецтранспортом. Документы на партию оформляете вы. Ошибок быть не должно.

— Совсем? У меня просто нет опыта, до этого я работала...

— Совсем, Елизавета. — Она перебила меня, не дав договорить. — Каждая ошибка в отправочной документации — это неделя разбирательств с московским офисом, штрафы по договорам, иногда возврат партии. Я лично буду контролировать первые ваши десять отправок. Потом дам свободу. Я знаю о том, что вы раньше не работали в таких местах. Меня предупредили. Но единственное, что мы можем с вами сейчас сделать, так это начать сразу и без ошибок, тогда процесс работы и обучения станет правильным и быстрым. Ни у вас, ни у меня нет выбора, вы должны работать здесь, и если вы будете стараться, то вашу неопытность вы перекроете ответственностью и внимательностью. Чем быст-

рее вы втянетесь в процесс, тем лучше. Так что да, никаких ошибок, даже мелких.

— Поняла.

— Пятое. Архив. Иногда я поручаю поднять бумаги за старые годы — по запросу от аудиторов, от юристов, от главного офиса. Это редко, раз в пару месяцев. Шкаф вы видите. Поднимаете нужные папки, копируете что просят, возвращаете обратно ровно на место.

— Хорошо.

Она снова открыла папку, достала оттуда ещё один документ, положила передо мной. Она закрыла папку. Сложила на ней руки. Потом снова посмотрела на меня. Я молчала.

— А теперь самое важное, чтобы вы остались живы...

Глава 4

— Производственные ограничения.

Инструктаж по технике безопасности. Прочитайте вслух и подпишите.

Я взяла лист. Начала читать.

Пункт первый. На производственную территорию — штольня, контора при штольне, обогатительный узел, склад, лаборатория — проход работникам административного корпуса запрещён. Любые документы и сведения передаются через специально назначенных сотрудников. В настоящее время ответственные за передачу — Нина Павловна Тергенева и Роман Асканов.

Пункт второй. Личные контакты с работниками производственной территории запрещены. Общение — только в рамках служебной переписки и через упомянутых ответственных сотрудников.

Пункт третий. После двадцати двух часов нахождение вне периметра территории запрещено. Исключения — чрезвычайные ситуации, эвакуация, медицинская необходимость, по согласованию со старшим по объекту.

Пункт четвёртый. Фотосъёмка, видеозапись, аудиозапись на территории объекта запрещены.

Пункт пятый — о режиме секретности.

Пункт шестой — об ответственности.

Пункт седьмой — о расторжении договора в случае нарушений, но это ко мне не относилось. Я пробуду здесь, пока отмеренный мне срок не выйдет.

— Вопросы?

— Да, а почему мне на производственную сторону нельзя? В первое время я, возможно, буду много путаться, и будут появляться вопросы. Не лучше, если я пойду и узнаю все детали именно у тех людей, от которых я получила документы? Так я быстрее войду в процесс. Это будет лучше, если я не буду отвлекать вас, а вы в свою очередь все равно будете связываться с теми людьми.

— Потому что это действующий рудник, Елизавета, а не туристический объект или офисный этаж. Там идут взрывные работы, ходит тяжёлая техника, над головой тонны породы на деревянных распорах. Посторонний человек без средств индивидуальной защиты и без обучения там — это ходячая проблема. Если с ним что-то случится, сядет весь руководящий состав объекта. Поэтому правило жёсткое: не ходите туда, и ни у кого не будет головной боли. Лучше обеспечение её мне здесь, в безопасности.

Я кивнула. Звучит логично.

— Пункт второй. Рабочие. С ними действительно нельзя разговаривать? Почему так строго?

— У нас на вахте двадцать восемь мужчин. Живут в бараке месяц без семей, кто-то просто сам по себе одинокий. Вахтовики. Любая женщина на их горизонте — раздражи-

тель. Я за двадцать восемь лет работы на подобных объектах научилась одному правилу: дистанция с первого дня. Не здороваться, не улыбаться, не подходить к ним. Если пересекаемся — идёшь мимо, смотришь перед собой, при необходимости — киваешь в качестве приветствия. Это не грубо. Это защита. Для них и для вас. Им также проводят подобные инструктажи. Они в курсе правил.

— Поняла. Пункт третий. После десяти не выходить. Это тоже из опыта?

— Да, и из нескольких случаев. Давайте сразу уточню, чтобы не было недопонимания. Речь идёт не про двор. По территории базы внутри периметра вы можете ходить в любое время. У нас тут свет, охрана, ворота на замке. Ничего с вами здесь не случится. Речь про выход за ворота. В сторону дороги, в сторону леса, за пределы базы — после десяти вечера и до шести утра не разрешен. Никак, никогда, ни по какому поводу, только в случае ЧС.

Она поправила очки, которые лежали перед ней на столе. Жест был машинальный, из тех, что человек делает, когда собирается говорить долго.

— Причин действительно несколько. Первая — темнота. В Москве у вас фонари, окна, витрины, подсветка улиц. Вы никогда не видели настоящей темноты. Здесь, в десяти шагах от наших прожекторов, черно так, что вы не найдёте собственной руки перед лицом. В пятидесяти шагах вы не найдёте дорогу обратно к воротам. У нас были люди, которые

терялись в трёхстах метрах от базы, и мы находили их только на рассвете, когда светало. Вторая причина — звери. Медведи, волки. У нас тут не зоопарк, тут наоборот, за забором базы люди, а вокруг — они. Днём животные нас обходят, ночью они подходят близко к ограде, иногда, мы видим по следам, даже до самых ворот. Если вы выйдете за ворота ночью, то вы окажетесь на их территории в их время. И они приспособлены к этому лучше, чем вы. Третья причина — рельеф. Мы не в поле, Елизавета. Вокруг горы. Шаг в сторону от колеи, и вы в распадке или на склоне. Зимой под снегом скрыты трещины, расщелины, ямы, которые летом видны за десять метров. Ночью в темноте вы проваливаетесь раньше, чем успеваете понять, что ступили не туда. Я потеряла одного сотрудника в двухтысячном году. Геолог, ему было сорок лет, знал местность лучше меня. Вышел вечером подышать у дороги, и не вернулся. Утром его нашли под обрывом в ста пятидесяти метрах от ворот. Он шёл в сторону дороги. Просто оступился. У него остались жена и двое детей.

Она замолчала на пару секунд. Потом продолжила тем же голосом:

— Четвёртое. Связи за воротами нет никакой. Вообще. Спутник только внутри периметра, тарелка бьёт узким лучом. Если с вами что-то случится за воротами, вы не позвоните. Мы не узнаем, пока не хватимся утром. А хватимся мы, я вам честно скажу, не сразу. Вы живёте на втором этаже, у каждого из нас своя комната, мы друг другу в комнаты не

заглядываем. До первого пропущенного завтрака — никто вас искать не будет.

Я кивнула.

— Поэтому правило простое. С десяти вечера до шести утра за ворота не выходить. Если очень хочется свежего воздуха — крыльцо, двор, хоть до самой ограды. Здесь вы под светом и под охраной. А за воротами — нет.

Она говорила всё спокойно, рассудительно. Я слушала и понимала — всё разумно. Всё объяснимо. Обычный режимный объект в глуши, с жёсткими правилами, потому что иначе не получится.

Я взяла ручку. Подписала инструктаж.

— Всё, Елизавета. Теоретическая часть закончена. Сейчас я покажу вам объект.

Мы вышли во двор.

Он был другим при дневном свете. То, что ночью казалось страшноватым — прожектора, силуэты, серая щебёнка, чёрная тень горы, — оказалось обычной производственной территорией. Снег падал мелкий, ровный, укладывался на всё тонким слоем.

— Начнём с дома. Мы в нём живём и работаем.

Она показала рукой на административный корпус — наш двухэтажный деревянный дом. Я увидела его в первый раз целиком. Спереди — крыльцо, которое я уже знала. По бокам — по шесть окон на каждом этаже. Крыша покатая, из металлочерепицы, чёрной. На коньке — маленькая печная

труба.

— Первый этаж. Моя приемная — слева от входа, я вам покажу её тоже, при случае. Столовая и кухня — центральная часть. Ваш кабинет — торец справа от входа, окно во двор. Библиотека — в коридоре, обычный шкаф, в нём всё, что читали предыдущие жильцы. Берите что хотите.

Пошли дальше по периметру.

— Это ангар. Гараж для техники.

Ангар стоял напротив нашего дома, через щебёночный двор. Высокие металлические ворота, закатные, сейчас закрытые. Сбоку — обычная дверь. На ангаре вывески не было, но через приоткрытую боковую дверь я увидела знакомый силуэт — передний бампер «Крузера», на котором меня привезли вчера. Возле ворот стояли сани от снегохода, занесённые свежим снегом.

— Роман уехал на втором «Крузере». У нас их два. И ещё снегоход на зиму, квадроцикл на лето. Квадроцикл сейчас в разборе, крыло полетело. У Романа есть два помощника, местные, из села.

— Он тоже местный?

Она на секунду чуть повернула голову ко мне, не останавливаясь.

— Местный. Но по меркам этих мест — сложная история. Его привезли сюда ребёнком. Родители умерли. Рос у бабушки в селе, в двенадцать лет она тоже умерла, компания взяла его под опеку. Это распространённая практика, такие

люди не воруют, не переходят к конкурентам, они преданы до конца. Сейчас он наш. Работал у нас помощником, потом полноценным сотрудником. Охранник, потом водитель, потом старший по транспорту. Он знает этот объект и территорию вокруг лучше любого из присланных из Москвы.

Пошли дальше.

— Генераторная. Запас — два месяца автономной работы. Связь — Спутник. Тарелка у меня в кабинете, наверно видели на крыше. Интернет медленный, но есть. Ваш рабочий компьютер к нему подключён. Личную переписку с рабочего компьютера вести не запрещено, но знайте: всё пишется на корпоративный сервер.

— Ясно.

— Есть спутниковый телефон. Основной — у меня. Запасной — у Романа. В крайнем случае можете позвонить, если с кем-то надо связаться. Но — по делу.

Я кивнула, она продолжила.

— Вот тут баня. Это — барак для рабочих.

Мы встали в тридцати метрах от длинного одноэтажного здания, тянувшегося вдоль дальнего забора. Длинной метров семьдесят. Маленькие окна в ряд, штук пятнадцать с этой стороны. Два входа — один по центру, один в торце. Крыша такая же, как на нашем доме, — металлочерепица, чёрная. Из трубы сбоку валил дым — топили свою столовую.

— Здесь живут рабочие. На смене сейчас двадцать восемь человек. Все мужчины. Работа трудная. Все с вахтой месяц

через месяц. Бригадир — Борис Фёдорович Кузнецов, он живёт отдельно, в маленькой пристройке к конторе ближе к входу в рудник.

— Они знают о моём приезде?

— Знают, что приехал новый учёточник. Имя я не называла. Фамилии тоже. Им это не нужно. Но они сразу поймут, что это вы. Новеньких у нас немного.

Правило дистанции работало. Мне почему-то от этого стало спокойнее. На крыльце барака стоял человек. Высокий, без шапки, стриженный, возраст по фигуре — к тридцати. Курил. Увидев Нину Павловну, коротко, без улыбки, кивнул. Нина Павловна кивнула в ответ. Мужчина перевёл взгляд, мельком, в мою сторону — и тут же отвёл. Не удержал даже на долю секунды. Бросил окуроч в жестяную банку у крыльца, затолкал носком ботинка, ушёл внутрь.

— Идём дальше.

Мы пошли к дальнему краю территории — к горе туда, где стояло еще одно здание. Оно стояло отдельно, метрах в двадцати от входа в гору. Обычный деревянный сруб, с железной крышей, с двумя окнами. Над дверью — табличка: «Горный мастер. Администрация участка».

— Здесь сидит Борис Фёдорович. Вам туда ходить не надо, но имейте в виду: если что-то срочное, то Борис Фёдорович на связи по внутренней рации. Вам на стол поставят аппарат в понедельник, покажу, как пользоваться.

— Поняла.

Большой цеховой ангар, длинный, с широкими воротами на откат. Внутри кто-то двигался — женщины в спецовках, в косынках. Я насчитала пятерых. — Это обогатительный узел.

— Здесь дневная смена сортировочниц. Сейчас работают. Не будем мешать, пройдем мимо.

Мы пошли дальше.

— А это — склад и лаборатория.

Отдельное небольшое здание, за цеховым ангаром, ближе к забору. Из того же сруба, что контора, но с металлической дверью и камерой над дверью. На двери — электронный замок, с кодовой панелью.

— Внутри — лаборатория и сейф склада. Вам сюда заходить тоже не надо.

Наконец, мы подошли к горе.

Вход в штольню я видела теперь впервые вблизи. До нас было метров пятнадцать. Мы стояли сбоку, чтобы не мешать, если выедет вагонетка.

Массивные металлические ворота, встроенные в бетонное обрамление. Они были высотой метра три с половиной, шириной метра четыре. Сейчас стояли приоткрытыми — левая створка сдвинута, видна часть внутренности. Из этого проёма тянуло воздухом — холодным, влажным, с запахом мокрого камня.

Над воротами — бетонный козырёк, метра на два выступающий вперёд. Под козырьком — четыре жёлтые лампы, две горят, две нет. На козырьке сверху лежит снег.

От ворот — рельсы. Они уходили прямо в гору, в темноту, и я видела, как уже в нескольких метрах от входа тьма их проглатывает. Глубже — только точки ламп, висящих на своде, две, три, четыре — потом теряются.

Перед воротами, на бетонной площадке, стояла пустая вагонетка.

— Это наш главный портал, — сказала Нина Павловна. — Вход только с пропуском, в каске, в спецовке, со сменной обувью.

— А какая глубина тут?

— Основной путь — триста сорок метров вглубь. От него на двух горизонтах отходят боковые. По общей протяжённости — около полутора километров.

— Это большой рудник?

— По нашим меркам — средний. Маленький, если сравнивать с якутскими алмазными.

Я стояла, смотрела на вход. Ничего особенного в этом. Дыра в горе. Работающий рудник. Но ощущение мурашек не отпускало, я поежилась.

Нина Павловна продолжила.

— Основное сырьё — берилл и его разновидности. Изумруд — самый ценный, но его в процентном соотношении мало. Аквамарин — больше. Гелиодор — средне. Порода сама бесценная, жила хорошая. Лет на двадцать добычи ещё есть. А теперь пойдёмте обратно. Экскурсия закончена.

Мы развернулись. Пошли к дому. Я ещё раз обернулась —

посмотреть на вход издалека. Тёмный квадрат ворот. Пустая вагонетка. Снег на козырьке.

Всё обычно. Но странное чувство не отпускало меня. Возможно, так действовали на меня огромная гора и темная пещера. Обе были полны неизвестностей. И я ощущала себя крошкой хлеба на огромной витрине пекарни.

У крыльца административного дома Нина Павловна остановилась.

— У меня сейчас планёрка с Борисом Фёдоровичем, я пойду. Вы — свободны, отдыхайте, разбирайте вещи. В понедельник в девять жду, начнем приступать к работе. Если что срочное — я либо в кабинете, либо в конторе при штольне. Отправляйте Свету, не ходите сами за мной.

— Спасибо, Нина Павловна.

Она ушла. Я осталась на крыльце. Вдохнула холодного воздуха. Оглядела двор.

Он был пустой. Щебёнка, следы «Крузера», уехавшего в село. Вдалеке, у ангара, кто-то прошел тенью.

На кухне Света мыла посуду после завтрака. Увидела меня, улыбнулась. Я постояла ещё минуту. Потом зашла в дом.

Я поднялась к себе в комнату наверх, сняла куртку, села на кровать.

Достала ноутбук. Включила. Открыла папку с документами, которые привезла из Москвы, — свои, личные. Копия диплома училища, копия зачётки, копия трудовой, резюме. Разложила файлы по папкам, переименовала, где было нуж-

но. Работа монотонная, механическая — именно то, что мне сейчас было нужно, чтобы голова пришла в порядок.

Сидела так часа полтора. Чай, принесённый Светой, выпила с удовольствием.

Через полчаса я подняла голову от ноутбука и повернула её к окну — боковым зрением заметила, что там кто-то стоит, прямо напротив моей комнаты.

Глава 5

Как только я повернула голову, силуэт развернулся и ушел. Парень в капюшоне и черной куртке. Лица я его не разглядела.

Я села поглубже на кровать, словно пытаюсь найти защиту в одеяле.

Какие-то у них тут странные сотрудники. Нужно быть аккуратнее и смотреть в оба. Надеюсь, он не следил за мной. Липкий страх начал расползаться по моему телу, начинаясь где-то на точке посередине затылка, и стекая на спину и грудную клетку. Я чувствовала, как кровь леденела, и в ушах начинало шуметь. Пальцы лежали на клавиатуре, но я их не чувствовала. Ноутбук тихо гудел, на экране мигал курсор в пустой строке, а я сидела, не двигаясь, боясь моргнуть. А вдруг он подойдет к самому дому. Встанет прямо под моим окном.

Да нет. Что за чушь. Я себя накручиваю. Продумаешь, одна в горах, среди незнакомых людей с одним спутниковым телефоном, и с полным контролем исходящей информации даже через компьютер.

Нет, Лиза, успокойся. Это всего лишь нервы и волнение. Никто не будет тебя поджидать за каждым поворотом с ножом и веревкой. Такое бывает только в триллерах или детективах. Когда семья уезжает на выходные, приезжает обратно,

а в их доме полно ловушек, и они становятся жертвами психа, который сбежал из больницы и сейчас вышел на охоту.

Так, стоп!

Я резко хлопнула крышкой ноутбука и закрыла глаза, глубоко выдохнув. Потом еще раз и еще. Становилось легче, сердце успокаивалось и ритм замедлялся, возвращаясь к норме.

В горах так бывает. Кислорода меньше, просто нужно привыкнуть. Мне страшно, потому что вокруг все незнакомо, как только подружусь с этим местом, то станет легче. Мне нужно пробыть тут пять лет. Если я не возьму себя под контроль, что через пять лет мне нужно будет ехать не в Москву, а в психушку, если не раньше. Зато, с такой зарплатой мне точно будет обеспечена вип палата и горячий молодой врач. Я усмехнулась про себя. Юмор возвращается, значит не все потеряно.

Хм, я посмотрела на гору. А как мне познакомиться со всем тут, если мне нельзя разговаривать с людьми? Они же главная часть любого места. Не место красит человека, а человек — место. Не зря же так говорят. Глупое правило. Я же не буду их провоцировать. Подумаешь месяц без женщины, они же не дикие, это же не означает, что они сразу набросятся на меня, к тому же вокруг люди, а вечером я не буду ни с кем говорить. Я уже не маленькая, могу как-то определить, где опасно, а где — нет. До двадцати пяти как-то же дожила. Жить в одном месте с незнакомцами — не лучшая идея. А

уволить меня все равно не уволят, наверное, Нина Павловна об этом еще не знает.

Я отложила ноутбук и подошла к столику у стены, налила полный стакан воды из кувшина, выпила залпом. Холодная вода ударила в горло, и мне стало чуть легче. Сделала еще один глубокий вздох. Села обратно на кровать. Посмотрела на свои руки. Они дрожали, но совсем чуть-чуть — как дрожат у человека, который три часа тащил тяжёлый чемодан и только что его поставил.

Значит, ничего страшного. Просто устала. Два дня дороги, инструктаж, гора, Нина Павловна с её серыми глазами, Света с её осторожным «стучи ко мне в любое время». Ночной кошмар, в котором разбилось окно и пришёл кто-то, кого я сразу забыла. Четвёртая бусина, которую я спрятала в карман. Это много для одного человека за сутки. Это очень много.

«Всё нормально», — повторила я себе, уже чётче.

Открыла ноутбук. Нашла папку с документами. Стала переименовывать файлы.

Следующие несколько часов я держалась за работу, как за перила.

Переименовала сто двадцать файлов. Разложила их по папкам «Личное», «Документы», «Резюме», «Учёба», «Прочее». Потом передумала, переименовала половину обратно. Потом поняла, что никакого смысла в этой сортировке нет, потому что работать я буду с совсем другими документами,

которые начнутся в понедельник. Но останавливаться не хотелось. Пока руки делали — мысли молчали.

Я подняла глаза на окно ровно один раз — часа через два, когда затекла шея, и я машинально хотела посмотреть в ту сторону, куда смотрела утром.

Там никого не было.

За окном постепенно темнело. Экран ноутбука становился всё ярче в комнате, источник света гас, а другой оставался. Где-то внизу, на первом этаже, слышно было, как Света ходит по коридору — тихие шаги, чайник, дверцы шкафа.

В какой-то момент я поняла, что моя голова довольно сильно болит. Разряженный воздух. Нужно привыкнуть.

Закрыла ноутбук окончательно. Встала, умылась холодной водой, расчесалась, собрала волосы в хвост.

Надо было спуститься. Обед я пропустила и сейчас есть хотела довольно сильно. Ужин должен был уже быть готов, я слышала Свету на кухне и чувствовала вкусный запах. А ещё — мне надо было что-то взять с собой. Что-то, чем занять себя после ужина, чтобы не возвращаться в эту тишину одной.

Я вспомнила про библиотечный шкаф в коридоре. Нина Павловна сказала, что я могу пользоваться им.

Сейчас — как раз.

Я спустилась на первый.

В коридоре было тепло от гладки и пахло жареным луком с кухни. Из-за приоткрытой двери кухни доносилось радио,

кажется, новая песня Акмаля, но разобрать точно я не могла. Света была на кухне, я видела её спину в фартуке в мелкий цветочек, склонённую над сковородой. Она не обернулась.

Я подошла к шкафу.

Это был старый деревянный шкаф, тёмный, почти чёрный от времени, такой, какой стоит в квартирах у бабушек и который никто не решается выкинуть, даже когда появляется новая мебель. Две застеклённые дверцы с коваными ручками в виде витых колец. Ручки холодные на ощупь, тяжёлые. Я открыла левую.

Она скрипнула тихо. Я даже оглянулась, будто ожидая увидеть, как из-за угла кто-то выходит. В коридоре никого не было.

Я стала смотреть корешки.

Верхний ряд — советская классика. Синие томики Толстого, собрание Чехова в девяти частях, жёлтая школьная «Война и мир» в сокращении. Ниже — потрёпанные детские книжки с картинками семидесятых годов. Розовые для девочек, синие для мальчиков. Я помню такие по детскому дому, у нас была пара в библиотеке, все с выдранными страницами. Интересно, зачем тут детские книжки.

Ещё ниже — странный раздел. Учебник анатомии семидесятых годов. «Справочник слесаря-инструментальщика». «Атлас автомобильных дорог СССР». Зачем-то поэзия Некрасова в тонком мягком переплёте, рядом — чёрный, с жёсткими углами, Маяковский.

На средней полке было читабельнее. Три или четыре детектива девяностых — яркие обложки, пистолеты, декольте, кровавые буквы. Два тома Акунина. Несколько номеров «Иностранной литературы». Мураками в современном чёрном переплёте.

И в самом конце среднего ряда, последней книгой, прижатой боком к деревянной стенке шкафа, — тёмно-зелёный тканевый переплёт. Без суперобложки. На корешке золотым, уже потускневшим, вытиснено: «Сказки и легенды Алтая». Ниже — маленькими цифрами: 1978.

Я вытащила её.

Книга была тяжёлая и холодная. Моя рука это почувствовала сразу — как будто я взяла не просто книгу, а что-то, что лежало долго, между горячих тел других книг, и само не прогрелось. Обложка шершавая, ткань кое-где протёртая на углах. Я открыла наугад.

На развороте была гравюра. Чёрно-белая, грубая, толстыми штрихами. Зверь на скале. Крупный, дымчатый, с кольцами на шкуре, хвост длиннее тела, уши торчком. Сидит вполоборота, смотрит куда-то вниз. Под гравюрой подпись: «Ак-Барс у подножия».

Я провела пальцем по шкуре зверя на гравюре. Бумага шершавая, и я почувствовала, как под пальцем идут линии, будто их не напечатали, а продавили.

— Что-то нашла?

Я вздрогнула. Света стояла в проёме кухни, вытирая руки

о полотенце.

— Сказки, — сказала я, закрывая книгу и прижимая к груди. — Алтайские.

— Хорошие, — кивнула Света. — Я их в детстве читала. Бабушка мне вслух рассказывала. Есть страшные, я предупреждаю. Ты только перед сном не читай.

— Почему?

— Сны плохие будут.

Она улыбнулась — не совсем весёлой улыбкой — и вернулась на кухню. Через минуту крикнула оттуда:

— Ужин через десять минут. Нина Павловна не придет, она в конторе у Бориса Фёдоровича. Так что мы с тобой вдвоём или ты ешь одна, как хочешь.

Я поняла, что хочу одна. Мне нужно было ещё немного побыть с собой перед тем, как снова сесть напротив человека.

— Я наверх пока, — сказала я. — Спущусь через полчасика.

— Давай.

Я поднялась с книгой к себе.

В комнате я села на кровать, прислонилась спиной к изголовью, подтянула колени. Книгу положила на одеяло рядом. Зажгла настольную лампу — жёлтый тёплый круг света лёг на страницы.

Открыла оглавление.

Сказок было много, штук сорок, с названиями, которые

успокаивали своей обычностью: «Почему у медведя короткий хвост», «Жена небесного кузнеца», «Каменная женщина», «Старик и его сыновья». И в середине, страница 82, римская цифра XII:

«Ак-Барс».

Та, с гравюры.

Я перелистала страницы.

Картинка зверя повторилась — на этот раз он был крупнее, на всю страницу, развёрнут целиком. Сидел на краю обрыва. Голова слегка наклонена, жёлтые глаза — гравёру удалось их сделать светлыми, почти светящимися на чёрно-белом фоне — смотрели прямо на читателя. Под лапами — снег, аккуратно заштрихованный косыми линиями. Позади — силуэт горы, почти чёрный от штрихов, огромный, перегибающийся половину страницы.

Я начала читать.

В давние времена, когда горы на Алтае были выше, а люди ниже, в самых высоких снегах родился барс. Серо-дымчатый, с чёрными кольцами по бокам, с длинным, в полтора своих тела, хвостом. Мать принесла его одного — других в помёте не было. Это уже был знак: обычных барсов мать рождает по двое, по трое. Одиночный рождается раз в сто лет.

Старые охотники звали таких Ак-Барс — Белый Барс. Не за цвет шкуры, за то, что приходят в жизнь людей редко, как белый снег, и уходят так же — в белизну, без следа. Сколько лет он живёт, никто не знает. Может, двадцать, как обычный

барс. Может, двести. Никто не видел, как умирает Ак-Барс. Никто не находил его останков.

С матерью он прожил одну зиму и одно лето. В первую же осень ушёл — не выгнала она его, как выгоняет волчица, а сам решил. Встал однажды на рассвете, отряхнулся, посмотрел на мать долго. Она ему ничего не сказала. Он ушёл вверх, в снега, откуда она его не видела больше.

Жил он один. Стаи у барсов не бывает никогда, но этот был один и среди своих. Других барсов он не трогал, но и не искал. Самки к нему приходили в первую весну — он их отпускал, не прикасаясь. Он знал, что у него есть дело. Одно.

Он охотился на женщин.

Не на тех, кого встречал. Он выбирал.

Выбирал он долго. Годами. Ходил по хребтам, спускался в распадки, смотрел сверху на деревни, сидел на скалах над пастушьими становищами. Искал одну. Ему нужна была именно такая — у кого никого. Ни матери, ни отца, ни брата, ни мужа, ни сестры, ни сына, ни хотя бы старой тётки. Совсем одна. И чтобы сердце у неё было нетронутое. Не любила ещё никого по-настоящему, и её тоже никто не любил. Чтобы внутри у неё было пусто.

Таких мало. Не в каждой деревне. Не в каждом поколении.

Но такие есть.

Когда он находил — не бросался сразу. У него было время. У Ак-Барса всегда есть время.

Сначала она слышала его. Каждой ночью. Далеко, с вершин, раздавался длинный низкий звук, какого не издают ни волки, ни медведи, ни россомахи. Что-то среднее между воём и рыком, низкое, на одной ноте, тянущееся долго и мягко обрывающееся. Другие женщины в деревне его не слышали. Только она — просыпалась ночью, садилась в кровати, прислушивалась. Сердце её колотилось. Она не знала, почему.

Через неделю, через две она начинала его видеть. Мельком. На хребте над деревней в сумерках — серая тень, которая только что была, а теперь её нет. На склоне, над дорогой, по которой она ходила к ручью, — след огромной лапы на снегу, с четырьмя кругами подушечек и пятым сзади, уже занесённый снегом, но ещё свежий. Она садилась рядом с этим следом, смотрела, и думала — кажется мне или нет.

Он подходил ближе. На крышу соседнего дома — и никто, кроме неё, этого не замечал, хотя соседи могли бы увидеть его. В её двор — ночью, когда она уже ложилась. Утром она выходила в сени за дровами и находила возле поленицы оцарапанный снег, одну длинную ровную борозду от когтя, сверху вниз. Аккуратно. Будто подпись.

Она уже знала, что это он. Хотя никто ей не объяснял.

Она уже начинала ждать.

Днём она ходила по деревне, делала свои дела, разговаривала с соседками, мела пол, топила печь, пекла хлеб — всё как раньше. Но внутри у неё что-то изменилось. Она стала медленнее. Голова стала тише. Она ловила себя на том, что

замирает посреди комнаты с тряпкой в руке и смотрит в одну точку, не видя её. Соседки начинали смотреть на неё странно. Говорить:

«Ты что, захворала?»

Она отвечала:

«Нет.»

Но она знала — захворала. Чем — не знала.

Вечером она шла к окну и стояла там долго, глядя на горы. И ей хотелось — не в избу, где печь и чистый пол. Ей хотелось наверх. Туда, откуда доносится его зов.

Через месяц, через два — она переставала бояться. Переставала прятать глаза, когда шла по улице. Оборачивалась на каждый скрип, на каждую тень от надежды. Она проверяла, пришёл ли он. Каждое утро шла к поленнице — посмотреть, нет ли нового следа на снегу.

У неё не было никого. У неё никогда не было никого. Всю её жизнь ей некого было ждать.

А теперь — было кого.

И тогда он являлся.

Она просто однажды вечером выходила во двор зачем-то — за дровами, за ведром к колодцу, проверить козу, — и он стоял в метре от неё. Огромный, ростом ей по грудь, дымчатый, с жёлтыми глазами, из которых валил лёгкий пар, как дыхание. Он не двигался.

Она не кричала. Она стояла и смотрела на него, а он смотрел на неё.

Потом он подходил. Медленно, шагом, каким подходят к своему. Шёл беззвучно — снег под его лапами не хрустел. Подходил вплотную. Опускал свою огромную голову — и прикасался лбом к её ладони.

Как будто говорил: я пришёл. Теперь ты не одна.

И она гладила его по голове. Шерсть у него густая, тёплая, пахнущая снегом и мясом. И шла за ним.

Босая. В той одежде, в которой вышла из дома. Не оборачиваясь. Не запирая дверь.

Он вёл её в гору. Шёл впереди, оборачиваясь иногда, проверяя — идёт ли. Она шла. Ноги её не мёрзли, хотя она была босая. Не уставали, хотя тропа была крутой, камни острыми, ночь длинной. Она просто шла за ним, и в голове у неё было светло и тихо, как после очень долгого плача, которого не было.

Он вёл её к пещере, у которой нет входа для людей. Но он входил, и она входила за ним.

Там он делал её своей.

Не в том смысле, в каком мужчина делает женщину. В другом. Он клал её на шкуры, которые натаскал за долгие годы одиночества в свою пещеру. И лизал её. Медленно, долго. Тяжёлым жарким языком. Лицо. Ладони. Ступни. Шею. Над ключицей. За ухом. Везде, где шла кровь близко к коже.

Она засыпала под этим прикосновением, как ребёнок под колыбельной.

Когда просыпалась — уже не была собой.

Он держал её у себя долго. Год. Иногда два. Иногда три — Ак-Барс знает срок, он ни торопится, ни тянет, делает всё точно. Он кормил её мясом, которое приносил. Сырым. Она ела из его зубов. Он грел её боком зимой, когда в пещере становилось так холодно, что камни трещали. Он лизал её каждую ночь, тем же жарким языком, сохраняя её в том состоянии, в котором забрал.

Она переставала говорить по-человечески. Переставала помнить, как её звали. Переставала различать день и ночь, лето и зиму. Она жила в тёплом, чёрном, пахнущем шкурами и зверем пространстве пещеры, и это был весь её мир.

Но она не была несчастна. Ни одной секунды за весь этот год, или два, или три, — она не была несчастна. Ей было тепло. Ей не было одиноко. Кто-то большой дышал рядом с ней каждую минуту каждого дня. Она никогда прежде не знала, что бывает так.

А потом, в какой-то день, он её убил.

Не от голода. Еды у него было достаточно. Не от злости — он никогда не злился на неё.

От того, что срок пришёл. Барс всегда знает срок. Это не он выбирает. Это так устроено. Он рождается, чтобы забрать одну. Держать у себя, сколько положено. И закончить.

Он сделал это быстро. Одним движением, она не успела испугаться. Он не хотел, чтобы ей было больно. Он любил её настолько, насколько Ак-Барс умеет любить.

А потом он её съел. Всю. До последней косточки. Из её

тела у него получалась часть его тела, и она оставалась с ним навсегда, в нём, и уже никогда его не покидала.

После этого он спал долго. Иногда — несколько лет. Потом просыпался, выходил из пещеры и снова начинал искать.

Через сто лет он рождался заново. Где-то в самых высоких снегах, у какой-то барсихи, один — всегда один, без братьев, без сестёр. И снова уходил в первую осень. И снова начинал искать ту, у кого никого.

Старухи в алтайских сёлах учат молодых девушек-сирот. Учат вот чему.

«Если ты однажды ночью услышишь в горах низкий зов, какого не слышат другие, — это он. Он тебя нашёл. И ты никуда от него не убежишь. Бежать некуда.

Одно только можно. Найди себе кого-нибудь. Мужа, если сможешь. Ребёнка. Мать, хоть чужую. Подругу, хоть самую дальнюю. Любого, кто будет держать тебя за руку по ночам и ставить тебе тарелку утром.

Ак-Барс приходит к той, у кого никого. Если у тебя кто-то есть — он пройдёт мимо. Пойдёт дальше искать.

А у кого никого нет — тому он придёт. И ты пойдёшь за ним сама. И будешь идти улыбаясь.»

Я закрыла книгу.

«Тому, у кого никого нет, — тому он придёт.»

Внизу упала тарелка.

Глава 6

Внизу упала тарелка, потом послышались шаги Светы на кухне и шум уборки.

Только через несколько минут я поняла, что сижу и часто дышу, сконцентрировавшись на одной точке.

После книжки легче не стало. Гора молчаливо возвышалась за окном.

Я посмотрела на нее, и решила пойти на ужин. Мне нужно было поесть. Голод давал о себе знать.

На кухне было тепло и тихо. Света уже накрыла на меня — одна тарелка в конце стола у окна. Тушёная картошка с мясом, хлеб, компот в стакане. Сама Света ела у плиты, стоя, быстро, как ели у нас в детдоме повара, когда спешили на вторую смену.

Увидела меня, кивнула:

— О, ты пришла, приятного аппетита.

— Спасибо, и тебе.

Я села. Взяла вилку. Картошка была горячая, с маслом, с луком, пахло вкусно. Я ела медленно. Света, стоя у плиты, тоже не торопилась — доедала остатки из своей тарелки, налила себе компота, потом поставила тарелку в раковину.

Она не садилась. Стояла, прислонившись боком к столу, с кружкой в руках. Смотрела в окно. Во дворе уже темнело, и в окне я видела наше отражение — её профиль, мой силуэт

за столом.

— Света, — позвала я. — Садись со мной. Не стой.

Она посмотрела на меня. Немного удивилась. Потом — как будто с усилием, как будто это было не в её привычке, отодвинула стул напротив меня и села.

Мы молчали пару минут. Она пила компот. Я доедала картошку.

В кухне было тихо, не считая радио.

Света вздохнула тихо, почти не слышно. Поправила волосы за ухом.

— Ты когда в последний раз с мамой разговаривала? — спросила она вдруг, не поднимая глаз. — Ну, звонила или встречалась там.

Я замерла на секунду. Неожиданно.

Вроде бы ничего особенного — обычный женский вопрос, из тех, что задают подруги за столом, вскользь, между тарелкой и чаем. Такой, который особо ничего не значит. Но я почувствовала, как у меня внутри что-то сжалось — быстро, коротко, как всегда, когда этот вопрос в моей жизни задают. Слишком рано для такого вопроса, слишком личный для обеих.

Я могла ответить как обычно. Машинально, привычно, мягко: «да недавно». Или: «давно не созванивались, заняты обе». Так я отвечала всю свою жизнь. Это была маленькая вежливая ложь, которая никого не задевала и никого не впускала внутрь.

Но я посмотрела на Свету — на её ссутуленную спину, на её тонкую косу, на её пальцы, белые на кружке, — и соврать у меня не получилось. Такие вопросы не задают просто так невзначай. Она не спросила какое у меня настроение и не начала обсуждать погоду за окном. Видимо, ей тоже есть чем поделиться, и если я сейчас закроюсь, то все останется как есть, она не продолжит, и её немой жест о помощи не получит поддержки. Ладно.

— У меня нет мамы, — тихо сказала я.

Света подняла глаза. Посмотрела на меня. В её взгляде я увидела все: неожиданность, стыд, безвыходность.

— Совсем? — спросила она меня также тихо.

— Совсем. Я из детдома. Мама отказалась в роддоме. Кто такой отец — не знаю. В графе прочерк.

Я сказала это без единой эмоции. Переболело. Я эту фразу за двадцать пять лет прокрутила в голове столько раз, что она у меня выходила уже без шероховатости, как отполированный камешек.

Но Света не опустила глаза. Она смотрела на меня и молчала, и от этого молчания мне стало не по себе — не от стыда, а от того, что её молчание было другим, чем у других. Внимательным, не из обычного вежливого, навязанного системой чувства сострадания, а искренним. Как будто она слушала не то, что я сказала, а то, что я под этими словами не сказала.

— И нет никого? — спросила она. — Ни тётки, ни бабуш-

ки, никого?

— Никого.

— А подруга? Хоть одна?

— Была. Раз в год пишет с днём рождения. Между нами произошло кое-что, и мы отделились.

Света опустила глаза. Взяла свою кружку обеими руками, поднесла к губам. Сделала маленький глоток.

Поставила обратно.

— Лиз, — сказала она.

Голос у неё стал тише.

— Мне нужно было с кем-то поговорить, думала посидим тихонько, я расскажу о наболевшем, а тут так получилось, что я твоё прошлое задела. Прости меня. Ты хочешь уйти?

— Нет, все в порядке, не переживай. Ты же не знала. Расскажи, что случилось.

Она посмотрела на свои руки. Вытерла ладонь о ладонь — машинально, как будто у неё что-то было между пальцами, чего она не могла стереть. Потом положила их обе на стол.

— У меня, — начала она, — есть семья.

Замолчала.

Она не знала, как продолжить. Я видела по её лицу. Губы у неё чуть шевельнулись, но звука не вышло. Она начала заново.

— Есть мама, — сказала она. — Есть папа. Был брат младший.

Она сглотнула. Голос сел.

— То есть — он есть. Он живой. Я неправильно сказала. Он живой. Извини, я всегда так оговариваюсь, когда говорю про него. Будто я его уже...

Она не закончила. Провела рукой по лицу, вытерла ладонью подбородок, хотя вытирать там было нечего.

Я не перебивала.

Я поняла — сейчас не время говорить. Сейчас надо, чтобы кто-то просто сидел напротив и слушал, и не уводил глаз, и не задавал лишних вопросов.

— Его зовут Максим, — сказала она наконец. — Ему восемнадцать. Ну, вот сейчас восемнадцать, в декабре исполнилось. Он у меня младший. На четыре года. Когда я уходила из дома в училище, ему девять было. Я его помню именно таким — голенастый, тощий, с ушками, как у щенка. Читал много, всегда с книжкой ходил, даже за стол. Мама его ругала.

Она чуть улыбнулась — коротко, совсем чуть, и улыбка сразу ушла.

— Он сейчас в Новосибирске. В больнице. Почти три года уже.

Она сделала паузу — глубокую. Я услышала, как она вдохнула и задержала воздух на секунду дольше, чем надо, будто собираясь с силами.

— В коме.

Я не шевельнулась.

Она посмотрела на меня.

— Он живой, — повторила она, как будто ей важно было, чтобы я поняла это правильно. — Он дышит сам. Сердце бьётся. Глаза иногда открывает, смотрит в потолок. На голос реагирует, врачи говорят. Но не возвращается. Уже два года и девять месяцев не возвращается.

Я протянула руку через стол. Накрыла её ладонь своей — ту, что ближе. Её рука была холодная. Холоднее, чем моя. Она не убрала руку. Только сжала немного — едва-едва, как будто проверяя, настоящая ли я.

— Свет, — сказала я тихо. — Хочешь рассказать, что случилось?

Она долго не отвечала.

Я думала, что, может, и не ответит. Что, может, для неё рассказать сейчас — это уже слишком. Что одного «в коме» ей хватит, и что она хотела рассказать именно это.

Но она заговорила.

— Он в политех поступил, в Бийске. После школы. Жил в общежитии. Мы с ним созванивались через день. Он мне рассказывал про учёбу, про книжки, которые читал. Про то, что есть в общаге. Но про себя — ничего. Он никогда не жаловался. Никогда за всю жизнь. Он из тех, кто молчит.

Она посмотрела в окно. На тёмное стекло, где отражались мы обе и жёлтая лампа над столом.

— Его там травили. Старшие с курса. С первой недели. Мелочи сначала, потом не мелочи. Он нам не говорил. Никому не говорил. Мы узнали потом, у него дневник был, мы

его открыли после. Эти старшие поймали его в душевой общаги. Пять человек. Сделали что-то такое, о чём он мне в дневнике только намёком написал — не словами, просто да-той и одним словом: «всё». Всё. Потом мы только шрамы на спине увидели. Это они с ним сделали.

Она говорила спокойно. Только голос у неё стал тихий, как будто она тратила его по капле.

— Он продержался после этого всего неделю. А потом пришёл домой к маме. Поужинал с ней. Улыбался. Мы его давно таким не видели, обрадовались, что все наладилось у него. Посуду помог помыть. Сказал, что пойдёт к соседке, поможет ей с чем-то тяжелым.

Она замолчала.

Её пальцы под моей ладонью дрогнули.

— Он на крышу поднялся. У нас пятиэтажка с чердаком. Шестой этаж получается. Поднялся и прыгнул. Упал на клумбу, там землю только недавно перекопали, она была мягкая. Он пролежал там двадцать минут, пока бабка с третьего этажа не вышла выбросить мусор и не нашла. Двадцать минут с разбитой головой один. Зимой, без снега, на голой земле. Ему наверно очень холодно было там лежать одному.

Она подняла глаза. Посмотрела мне в лицо.

— Я этого ему простить не могу, — сказала она тихо. — Никогда. Я знаю, что это не он виноват. Я всё знаю, я к психологу ходила, я три года это в себе кручу. Но я не могу. Он меня не предупредил. Он меня не подождал. Он один это всё

в себе нёс, и никого из нас не впустил, никого. Я с ним всю жизнь жила в одной квартире. Я его, блин, купала маленького, кормила с ложки. И он не пришёл ко мне. Ни разу. Он меня к себе не впустил.

Она замолчала. У неё задрожал подбородок — раз, коротко, она его сразу сжала.

— Извини, — сказала она через секунду. — Я сейчас соберусь.

— Не собирайся, — сказала я. — Не надо.

Она посмотрела на меня — долго.

— Ты первая, кто мне это сказал, — тихо. — За три года. Все мне говорят — соберись, Света. Держись, Света. Ты сильная, Света. А я не сильная. Я просто одна. Я это не за силу делаю. Мне просто некому плакать.

У меня у самой всё внутри пошло вниз, куда-то глубоко. Я сжала её руку крепче.

Мы сидели молча. Где-то капала вода из крана — медленно, размеренно. Я этот звук заметила только сейчас, как будто он появился в тот момент, когда мы обе замолчали.

— Он сейчас в клинике, — сказала она через минуту. Уже спокойнее. — В Новосибирске, платной. Государственная бы его давно выписала — там когда нет положительной динамики, пациентов переводят в хоспис или домой. Дома он не выжил бы и месяца, это я понимаю, не надо быть врачом, чтобы понимать. Оборудование нужно, медсёстры. Поэтому я плачу клинике, и прихожу туда, к его постели.

— Одна?

— Одна. Родители сломались. Мама через месяц слегла — инсульт, сейчас ходит с палкой, половина лица не работает. Папа запил. Сильно. В прошлом году они продали квартиру и уехали в деревню к папиной матери. Они к Максиму не ездят. Мама — физически не может. Папа — не хочет. Он его как бы похоронил, Лиз. Он его мёртвым для себя сделал, чтобы самому не умереть. Я его понимаю. Я его не осуждаю. Но к брату не ездит никто, кроме меня.

Её плечи дрогнули.

— Раз в три месяца я уезжаю на неделю. Сиж у него. Беру его за руку. Разговариваю. Врачи говорят, он слышит. Рассказываю — что в мире, что у нас. Про тебя расскажу, когда поеду в следующий раз. Он любит, когда новые люди. Даже начинает лучше реагировать. Мне иногда кажется, будто он ушёл куда-то внутрь себя, и дорогу обратно не помнит или найти не может.

Она слегка подвинула и на стуле.

— Я была на краю, мама с папой уже не родители, брат... Нина Павловна дала мне шанс. Как сейчас помню, я дома одна, брат в больнице, мама парализованная у тётки, папа пьёт. Работы не было. Мы с Ниной Павловной через общую знакомую пересеклись, она меня сюда привезла. Сказала: «Поживи. Поработай. Чтоб у тебя было занято тело, пока голова не успокоится.» Я приехала. Осталась. Она мне очень большую зарплату выделила. Говорит сейчас в долг, в потом раз-

беремся как-нибудь. Двести тысяч, ты представляешь? Я за них клинику оплачиваю.

Она замолчала.

— Свет, — сказала я наконец, тихо. — Он очнётся.

Она не ответила, только кивнула.

— Спасибо тебе, и извини, что так вышло. Просто иногда это приходит волнами, обычно в комнате запираюсь, чтобы не мешать никому своей историей, а тебе как-то захотелось открыться.

— Все в порядке, правда. Если тебе нужно будет поговорить, приходи, я всегда выслушаю.

Она грустно улыбнулась и встала из-за стола мыть посуду.

Мне нужно было выйти на воздух. Я пошла в коридор. Надела куртку. Вышла на крыльцо.

На улице было холодно и темно.

Во дворе горели два прожектора — один у ангара, второй над воротами. Между ними — серая полоса. Снег падал мелко, тихо, без ветра, и я слышала, как он касается моего капюшона.

Я вышла на верхнюю ступеньку крыльца. Застегнула куртку доверху. Дышала.

Холод входил в лёгкие, и это было почти приятно — после кухни, после тяжелого разговора, после того, что я только что услышала. Я не могла сейчас быть в доме. Мне надо было постоять на ветру. Мне надо было, чтобы воздух меня проветрил.

Я сошла на нижнюю ступеньку. Прошла три шага по щёбёнке во дворе. Остановилась.

Подняла глаза.

Гора стояла надо мной. Она была огромная.

Я не могла понять, почему её размер сейчас был другой, чем днём. Днём она была большой, но не такой. Днём она была горой. Сейчас, ночью, она была чем-то ещё. Чем-то, что занимает собой полнеба, что нависает, что дышит.

Верхушка её пряталась в облаках — я не видела её, только тёмное пятно, где должно было быть небо, и этого пятна не было. Там были облака, и за облаками — камень, и я это чувствовала, хотя не видела.

Я стояла и смотрела.

В голове моей медленно шло одно за другим.

Ак-Барс. Его тяжёлый жаркий язык. Его «я пришёл. Теперь ты не одна.» Его пещера, где он лижет ей ладони, ступни, шею — медленно, долго, пока она не перестаёт помнить, как её звали.

Света. Её брат на шестом этаже, двадцать минут на голой земле, два с половиной года в чужой клинике, где ему говорят «что в мире». Её «я здесь не живу, я здесь жду».

Я.

Я, у которой из родных — пустота. Я, которая сейчас стоит одна на крыльце в горах, в двух тысячах километрах от Москвы, и которая, если честно себе сказать, никому сегодня не нужна.

Ни одному живому человеку в этом мире я сегодня не нужна.

Это была страшная мысль. Но я её не прогнала. Я её впустила в себя целиком, и она во мне легла — тяжёлая, большая, как камень на дне моря.

Гора стояла надо мной. Чёрная. Молчащая. Спокойная. Я стояла под ней. Белая. Молчащая. Одна.

Мы были похожи.

И тогда — очень тихо, очень медленно, — где-то далеко, со стороны горы, с самых верхних её снегов, я услышала.

Низкий звук. Протяжный. Что-то среднее между рыком и воем. Что-то среднее, на одной ноте, тянущееся долго и мягко обрывающееся.

Он был настолько тихий, что я могла его и не услышать.

Но я его услышала.

Я стояла, не шевелясь. У меня внутри что-то замерло — сердце, дыхание, и что-то глубже, то, что я раньше не чувствовала.

И в эту самую секунду — когда я стояла с закинутой к горе головой — я почувствовала на тыльной стороне моей руки, той, что висела вдоль бедра, что-то.

Холодное.

Мокрое.

Медленно проведённое по коже.

Как язык.

Меня схватила горячая, крепкая рука сзади и закрыла рот

ладонью.

— Тихо, не кричи.

Глава 7

Я стояла, не шевелясь, с закинутой к горе головой. Рука висела вдоль бедра. На тыльной стороне кисти горело то место, где прошло холодное, мокрое, медленное.

До этого в моей голове не было ни одной мысли. Пусто, гулко, белым шумом. И в эту пустоту вошло одно слово: «пришёл».

Пришёл. За мной.

Мне нужно было его увидеть.

В ту же секунду, когда мой подбородок пошёл вниз, кто-то сзади, сильно, быстро, обхватил меня одной рукой за талию и второй зажал рот.

Я дёрнулась. Попыталась закричать в ладонь.

Красивый, мужской голос сказал мне прямо в ухо. Низкий, приглушённый, торопливый, почти виноватый:

— Тихо. Тихо, пожалуйста. Не кричи. Это собака. Это всего лишь собака, слышишь? Посмотри вниз. Собака. Не кричи.

Я перестала рваться. Дыхание у меня не шло, он всё ещё держал мой рот рукой, и я могла только выдыхать носом, часто, горячо, в его пальцы.

Я посмотрела вниз.

У моих ног стояла собака. Хаски. Крупный, серо-белый, с густой шерстью, торчащей на груди в разные стороны. Он

смотрел на меня снизу вверх, спокойно, доброжелательно, с той самой мордой, какую делают собаки, когда не понимают, почему человек рядом с ними вдруг напрягается. Глаза у него были разные. Один — голубой, как лёд. Второй — тёмно-карий. Он чуть наклонил голову набок и стукнул хвостом по снегу. Один раз.

Тот, кто стоял за моей спиной, медленно убрал руку от моего рта.

Ладонь уходила неохотно. Он дал мне почувствовать, что я в безопасности, и только после этого отпустил. Кожа на моих губах осталась горячей на том месте, где лежали его пальцы.

Я повернулась и оттолкнула его резко, обеими руками, в грудь. Он отпустил легко, как будто ждал этого и не сопротивлялся. Сделал шаг назад.

Первое, что я увидела, — глаза. И это были не серые глаза из ночного кошмара, не жёлтые из сказки. Они были светлые, серо-зелёные.

Парень был высоким, плечи широкие, шея крепкая, это было видно даже через тёмную куртку и тёплый свитер под ней. Без шапки. Темно-русые волосы средней длины, подстриженные неаккуратно, как будто так было задумано, с одной прядью, упавшей на лоб над правой бровью. На скулах лёгкий розоватый след от мороза. Нос прямой, аккуратный. Рот, вот это я запомнила отдельно, рот был красивый, четкий, с той самой ленивой симметрией, как будто он в любой

момент готов улыбнуться или показать свое недовольство. Линия губ выделяла их красивую форму, и они выглядели нарисованными.

Ему было лет двадцать пять. Может, двадцать восемь. Он выглядел примерно моего возраста, может чуть старше. И прямо сейчас он смотрел на меня с таким выражением, что мне стало его жаль.

Виноватое. Растерянное. И при этом такое, как будто он всю свою жизнь готовился смотреть именно на меня.

Он поднял обе руки ладонями ко мне. Жест «сдаюсь».

— Прости, — сказал он тихо, но торопливо. — Пожалуйста. Прости. Ты так смотрела на гору, отвлеклась, и Серый, он иногда тихо подкрадывается, я понял, что ты не заметила его, подумал, что сейчас закричишь, сама испугаешься и вокруг всех напугаешь. Я не хотел так. Поэтому и подбежал быстро со спины, и прижал тебя так к себе, наверно, ты меня еще больше испугалась. Я не подумал. Ты не сердисься?

Я стояла, прижав ладонь к собственному рту, ровно на том месте, где была его ладонь. Сердце стучало в ушах. Я дышала горлом, рывками.

— Кто ты? — выдохнула я.

Голос у меня сел, получилось хрипло.

— Никита.

Он опустил руки. Нарочно медленно, чтобы я видела каждое движение.

— Я геолог. Я живу здесь, на руднике, в пристройке у

штольни, пятый месяц. Серый — мой приятель, он со мной гуляет иногда. Вот он.

Он посмотрел вниз, и собака, как будто по команде, которой не было, подошла к нему и села у его ноги. Прижалась боком.

Я посмотрела на собаку. Потом на него. Потом снова на собаку.

— Это ты? — спросила я.

Горло драло. Я прочистила его, сглотнула.

— Это ты стоял сегодня у поленницы? Следил за мной?

Он моргнул.

— Да... Это был я... но я...

— Ты следил за мной!

— Нет!

— А что ты делал?!

Он молчал секунду. Две. Смотрел мне в глаза. Не отводил взгляд, как ни одного мужчины в моей жизни не смотрели мне в глаза так долго, не отводя.

— Я собирался познакомиться, — сказал он наконец. — Я хотел познакомиться. Новенькие это всегда интересно. Мне про тебя рассказали, Борис Фёдорович, на планёрке. Я все ходил и думал, как это сделать. Видел тебя издалека. Ты мне показалась приятным человеком, — он опустил глаза, а потом снова поднял их, медленно, начиная с моих ног и останавливаясь на моем лице, жадно рассматривая каждую деталь. — Стоял, собирался с духом. Увидел тебя в окне, рас-

терялся, отошёл. Через час пошёл второй раз. То же самое. Понял, что я уже полный идиот. Ушёл. Решил подождать, дать тебе освоиться, не напирать так, еще подумаешь, что я маньяк какой-то. А когда шел к Серому, тебя увидел. Одну. Ты смотрела на гору так, как смотрят люди, которым первый раз в горах плохо. Мне стало страшно, что ты в сугроб упадёшь. Я Серого послал, думал, он к тебе подойдёт, ты с ним поиграешь, а я аккуратно сбоку постою, чтобы ты меня не увидела. А Серый тебя лизнул. Ты чуть не упала на месте, понял, что испугалась от неожиданности. Я подбежал. Вот и всё.

Он замолчал.

Серый у его ноги тяжело вздохнул и лёг на снег. Положил морду на лапы. Посмотрел на меня укоризненно, как будто я задержала вечернюю ласку.

Я стояла посреди двора, в мороз, без шапки, с расстёгнутой до середины курткой, с колотящимся сердцем, и смотрела на молодого мужчину, который только что зажимал мне рот ладонью.

И, вот что самое смешное, мне было не страшно.

Мне было всё что угодно, кроме страха. Злость — да. Стыд за то, что я вздрогнула как курица. Растерянность, оттого, что я не понимала, что мне делать с человеком, который говорит «это я стоял у твоего окна» с таким лицом, как будто извиняется за всю свою жизнь.

Я откуда-то знала, ему можно верить.

Я это знала до того, как подумала.

— Постой, — сказала я. — Постой.

Я выдохнула. Глубоко. Посмотрела на небо, на гору, на снег, на Серого, на него.

— Имя. Ещё раз. Я не расслышала.

— Никита. Никита Серебрянников.

Я почти улыбнулась.

— Серьёзно?

— Серьёзно, — у него дрогнули углы рта.

— И ты геолог.

— Да, решил оправдать фамилию, — он улыбнулся.

Улыбка вышла идеальной, он как с обложки журнала.

Я покачала головой. У меня не укладывалось. Я два дня прожила в ожидании, что меня со всех сторон окружают чужие, опасные, режимные люди. А тут — парень с фамилией Серебрянников, геолог, стоит на снегу, извиняется и улыбается так, каких улыбок я в жизни не встречала.

— Нам нельзя с тобой разговаривать, — твердо сказала я, нахмурившись. — Мне рассказали о правилах.

Это прозвучало без грубости или агрессии. Это прозвучало как «я тебе напоминаю, вдруг ты забыл». Его улыбка начала исчезать.

— Знаю, — хмыкнул он. — Нина Павловна мне лично объясняла неделю назад, когда они только узнали о том, что ты скоро приедешь. Отдельная инструкция, мол, «к канцелярии не подходить даже близко, тем более к новенькой».

— И что, разве ты не должен следовать правилам?

— Должен, — он пожал плечами. — Но Нина Павловна сейчас у Бориса Фёдоровича в конторе, и она там застряла минимум на весь вечер, у них планёрка по недельному отчёту, они сейчас спорят, сколько породы списать. Я же только что оттуда. А свои не выдадут, мы же не в тюрьме, чтоб нас так контролировали, — он снова улыбнулся, но уже не так, как в первый раз, это была больше улыбка сквозь не самые приятные обстоятельства.

Он поднял руки ещё раз — но уже не «сдаюсь», а иначе, весело:

— Обещаю держать себя в руках.

Я смотрела на него и пыталась вернуть в себя ту злость, которая была минуту назад. Злость куда-то ушла. Её заменило что-то другое, я не знала, как это называется, и мне было страшно это чувствовать впервые в жизни в двадцать пять лет.

— Опустит руки, — улыбнулась я. — Ты не под арестом.

— Да? — Он опустил. — А по твоему взгляду казалось, что я тот еще бандит.

Я фыркнула. Сама не ожидала. Получилось коротко, смешно, и мне стало легче.

Серый, услышав мой смех, поднял голову. Посмотрел на меня с одобрением. Стукнул хвостом.

— Так ты — Лиза, да? — начал он, уже не так осторожно.

— Ой, прости. Да, ты прав, — в этот момент Серый гром-

ко фыркнул, привлекая к себе внимание. Совсем о нем забыли, а он тут сидит между прочим, ждёт, пока мы наговоримся. — Можно я?

Никита кивнул на собаку.

— Погладь, конечно, — сказал он. — Он за этим пришёл, вообще-то. Я просто так, как попутчик тут.

Я присела на корточки.

Серый встал, подошёл ко мне. Спокойно, деловито, как будто мы уже знали друг друга много лет. Я протянула руку, он ткнулся в неё носом, мокрым, холодным. Тем же носом, от которого у меня только что чуть не остановилось сердце.

Я провела ладонью по его голове, по ушам, по шее. Шерсть густая, мягкая, тёплая изнутри, с ледком на кончиках. Серый закрыл глаза. Подался лбом в мою руку.

— Он к тебе сразу пошёл, — сказал Никита тихо. — А он не ко всем идёт. У него характер.

— Он твой?

— Нет, он общий, рудничный, живёт у горы, будку ему туда перенесли, потому что он не хотел рядом с воротами, ему вначале будку туда поставили, у охраны. — Никита присел рядом со мной. — Он пришёл сюда года четыре назад. Никто не знает откуда. Его никто не привозил. Просто однажды утром охрана открыла ворота на смену, а он сидит там, прямо перел входом на базу. Серый, пушистый, с разными глазами. Худой. Они его пустили. Нина Павловна велела накормить. Он поел и уходит никуда и не собирался.

— Так и остался.

— Так и остался. Бумаг на него нет, прививки мы ему делаем через частного ветеринара, я сам возил его летом. Он никого не слушается, но ко всем по-хорошему. Лаает только на чужих, а чужие у нас бывает раз в полгода. На тебя вот, не залаял.

— Странно, мне когда утром базу показывали, я будку не видела.

— Она не с внутренней стороны двора, поэтому и не видно, она за зданием, ближе к горе. Он именно в то место постоянно спать приходил, поэтому туда будку с мисками и перенесли.

Я посмотрела в его разные глаза.

— Серый, — сказала я ему шёпотом. — Серый, хороший, да?

И у меня в этот момент что-то развязалось внутри. Та лента, которой у меня было стянуто всё с аэропорта. Она расслабилась. И я только тут, присев на корточках на холодной щёбёнке, рядом с собакой, поняла, как сильно я устала.

Я почувствовала, как у меня из глаза скатилась слеза. Одна. В темноте двора, где фонари не доставали, никто её не увидел.

Кроме Никиты.

Он молчал. Не говорил ни слова, не двигался. Сидел рядом, чуть позади, в полушаге. Смотрел.

Через минуту, тихо, не глядя на меня, как будто говорил

не мне, а куда-то в снег, он сказал:

— Плакать можно. Серый никому не расскажет.

Я улыбнулась. Слеза у меня пошла вторая, сразу за ней.

— А ты?

— Я тем более, — и снова улыбнулся так, как не располагал меня к себе никто до него. Улыбка вышла теплой, заботливой, и его глаза, внимательно следившие за моими движениями, вынесли точный вердикт. Он мне понравился.

Мы просидели с Серым минут десять. Может, больше.

Мне стало совсем холодно, пальцы на ногах в сапогах затекли, щёки перестали гореть от смущения, и начали от мороза. Никита сидел рядом и молчал. Он просто был. Это была его главная характеристика, которую я успела запомнить за первые двадцать минут знакомства, он умел просто быть. Не заполнял тишину словами. Не торопился. Не требовал от меня никакой реакции. Сидел рядом в своей тёмной куртке, дышал паром в холодный воздух, и одного этого было достаточно.

Это было — я сейчас сформулировала для себя — непривычно. Все мужчины, которых я знала в жизни, занимали пространство. Требовали внимания. Двигали мебель в комнате, в которую входили. А этот — не двигал. Этот вписывался.

Серый в какой-то момент шумно вздохнул, встал, отряхнулся от снега, с него полетело облако мелких кристаллов, и пошёл куда-то в сторону горы, мимо ангара, в темноту, где

начиналась знакомая ему тропа к будке, мисками и входу в штольню.

— У него свой график, — сказал Никита, вставая. — Ему пора.

— А тебе?

Он посмотрел на меня сверху.

— Мне — как скажешь.

Я поняла, что замёрзла до костей, и что, если сейчас же не пойду в дом, завтра буду с температурой. Я встала, колени хрустнули, сказывалось, что я просидела десять минут на корточках.

— Я думаю мне тоже надо идти, — сказала я.

— Иди.

Он не сдвинулся с места. Стоял в паре метров от меня, плечи чуть подняты от холода. Смотрел.

Я сделала шаг к крыльцу. Остановилась.

Посмотрела на него через плечо.

— Никита.

— М?

— Ты ждал, пока я выйду? Или действительно просто мимо проходил в правильный момент?

Он на секунду опустил глаза. Потом поднял.

— Ждал.

— Долго?

— Час. Может, больше. Я не считал.

— На морозе?

— Ну да. Где ещё.

— Дурак.

— Вполне возможно. — У него снова дрогнул тот самый угол рта. — Но теперь, я хотя бы познакомился.

Я смотрела на него дольше, чем надо. Дольше, чем уместно. Снег падал мелко, опускался мне на ресницы, таял на щеках.

— Завтра, — сказал он тихо, — я выйду за ворота, прогуляюсь за территорией после обеда, где-то к часу. Если вдруг захочешь тоже, я буду там.

— Ты любишь выходить?

Он молчал.

— Вообще, я выхожу не часто.

— Но именно завтра хочешь выйти?

— Да.

— Почему? Опять совпадение?

— Потому что это единственное место, где нам официально разрешено находиться одновременно.

Я почувствовала, как у меня горят щёки, и это уже было не от мороза. Я отвернулась, пошла к крыльцу. Взялась за перила. На верхней ступеньке обернулась ещё раз.

Он стоял, где стоял. Смотрел мне в спину.

— Никита.

— Да.

— Если Нина Павловна узнает, что ты сегодня тут был...

— Знаю, — он торопливо перебил меня.

— А тебе не страшно?

Он посмотрел на меня странно. Долго. Потом сказал тихо, без улыбки, с той честностью, от которой у меня внутри что-то перевернулось:

— Мне кажется, это того стоит.

Я зашла в дом.

Закрыла за собой дверь. Прислонилась к ней спиной.

В прихожей было темно, Света, видимо, ушла к себе, не включив свет в коридоре. Из-под её двери в конце коридора пробивался тёплый жёлтый квадрат. Слышалось, как из-за двери тихо идет фильм.

Я стояла у двери минуту. Может, две. Дышала.

Щёки у меня были горячие. Не от мороза. Совсем не от мороза.

Я сняла куртку. Повесила её на крюк. Пошла наверх. На лестнице — вторая ступенька, шестая, одиннадцатая — скрипнули мне навстречу, как давние знакомые.

В своей комнате я включила только настольную лампу. Большой свет не стала. Села на кровать.

Книга лежала на одеяле там, где я её оставила. «Сказки и легенды Алтая», тёмно-зелёный переплёт. Я посмотрела на неё. Ак-Барс, который приходит к той, у кого никого. Тот, кто прикасается лбом к ладони и говорит: «теперь ты не одна».

Я протянула руку. Тыльная сторона кисти — там, где меня лизнул Серый, — ещё была чуть холоднее, чем остальная

кожа, будто след держался.

«Это была собака», — сказала я себе.

«Это была собака, и за ней стоял Никита».

Я закрыла глаза. Медленно подняла руку, коснулась ладонью своих собственных губ в том самом месте, где минуту назад лежали его пальцы.

Кожа горячая. Сухая. Обычная кожа.

Но сердце у меня билось, как у человека, которого только что поймали за что-то запретное. И это что-то запретное была его ладонь на моих губах. Это было то, что, когда он держал меня так, — я ни одной секунды не сопротивлялась по-настоящему. А после того, как я увидела его, мне захотелось, чтобы он сделал это снова.

Я легла под одеяло не раздеваясь, в свитере. Выключила лампу.

За окном было тихо. Гора стояла на своём месте. Серый, наверное, уже лежал в своей будке. Никита, наверное, уже шёл к себе, я не слышала его шагов, ступал он мягко, я это отметила ещё тогда, когда он подошёл ко мне сзади.

Он подошёл ко мне сзади. Сзади. И я его не услышала. Я, которая последние сутки вздрагивала от каждой тени в окне, не услышала, как ко мне подходит человек по щебёнке и снегу, которые хрустят под любой ногой.

В голове у меня было одно.

Завтра прогулка за воротами.

Я улыбнулась в темноте. Одной стороной губ.

«Обещаю держать себя в руках», — сказал он.

«Я тоже», — подумала я. — «Попробую».

И заснула — впервые за две ночи — без

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.